
ТАТЬЯНА НИКАНДРОВА
ЛЮБОВНЫЙ РОМАН
НИКТО
не узнает

Татьяна Никандрова
Никто не узнает

https://litres.ru/74758337

Аннотация

ИЗДАНА НА БУМАГЕ! – Я замужем, Богдан. И то, что случилось вчера, не должно больше повториться. Никогда. – Почему не должно? Тебе ведь тоже было хорошо со мной. Вот же упертый мальчишка! – Ты вообще слышал, что я сказала?! – развожу руками. – Я за-му-жем! – Я знаю, что ты замужем. Еще вчера понял, у тебя ведь кольцо на пальце, – мрачно изрекает он. – Однако это не помешало тебе провести ночь со мной. – Прекрати! – обрываю я. – Это не шутки. Если о нас кто-то узнает, это разрушит мой брак, мою карьеру и вообще всю мою жизнь! Несколько секунд Богдан пристально смотрит мне в глаза, и под его прямым, полным немого осуждения взглядом я чувствую себя ничтожной букашкой. Лживой и лицемерной. – Расслабься, никто не узнает, – наконец произносит он. – Пока ты сама этого не захочешь.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	34
Глава 6	41
Глава 7	48
Глава 8	54
Глава 9	59
Глава 10	67
Глава 11	73
Глава 12	80
Глава 13	87
Глава 14	94
Глава 15	99
Глава 16	105
Глава 17	113
Глава 18	119
Глава 19	126
Глава 20	132
Глава 21	139
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Глава 1

Пролог

– Я замужем, Богдан. И то, что случилось вчера, не должно больше повториться. Никогда.

На лицо парня ложится грозная тень, а пухлые губы превращаются в тонкую нить:

– Почему не должно? Тебе ведь тоже было хорошо со мной.

Вот же упертый мальчишка!

– Ты вообще слышал, что я сказала?! – развожу руками. – Я за-му-жем!

– Я знаю, что ты замужем. Еще вчера понял, у тебя ведь кольцо на пальце, – мрачно изрекает он. – Однако это не помешало тебе переспать со мной.

К щекам мгновенно приливает стыдливый жар, а дыхание сбивается так, будто меня резко ударили под дых. Невыносимый, несносный провокатор! Вот, кто он!

– Прекрати! – смутившись, обрываю я. – Это не шутки. Если о нас кто-то узнает, это разрушит мой брак, мою карьеру и вообще всю мою жизнь!

Несколько секунд Богдан пристально смотрит мне в глаза, и под его прямым, полным немого осуждения взглядом я чувствую себя ничтожной букашкой. Лживой и лицемерной.

– Расслабься, никто не узнает, – наконец произносит он. – Пока ты сама этого не захочешь.

Глава 1
Карина

– Карина Владимировна, судя по многочисленным отзывам в Интернете, многие посчитали ваш роман «Вечное» антироссийским и формирующим ложные ценности. Как вы к этому относитесь? – очередной журналист-хайпожор поднимается с места, озвучивая раздражающий своей банальностью вопрос.

– Меня мало интересует мнение овощеподобной массы, – холодно отзываюсь я, стараясь не реагировать на очевидную провокацию. – Следующий вопрос?

– Разве можно называть людей «овощами» только потому, что их убеждения не совпадают с вашими? – журналюга и не думает сдаваться.

– Несовпадение взглядов здесь ни при чем, – злобно усмехаюсь я. – Просто у некоторых индивидов напрочь отсутствует критическое мышление, и они проглатывают все, что заливают им в уши средства массовой информации. А когда человек не думает своей головой, он мало чем отличается от овоща.

– То есть вы не согласны, что ваш роман подрывает основы патриотизма? – допытывается он, довольный тем, что я

заговорила.

– Если «Вечное» и подрывает какие-то основы, то только основы тоталиторизма, который процветает в нашей стране, прикрывая свое уродливое лицо этим самым патриотизмом, – чувствуя, что завожусь, отвечаю я. – Антироссийская пропаганда и космополитизм – это не одно и то же.

Коротко кивнув, журналист садится, и к атаке переходит следующая акула пера с ярко-вишневыми губами.

– Главная героиня в романе заканчивает жизнь самоубийством, застрелив сначала своего сына, а затем и себя, – жеманно растягивая слова, говорит она. – Является ли это некой отсылкой в смерти вашего собственного ребенка?

– Нет. Это художественный вымысел, а не автобиография, – с трудом выдавливаю я, чувствуя, как предательски садится голос. – Давайте закончим на этом.

Бросаю короткий взгляд на своего менеджера, полыхающего всеми оттенками красного, и резко поднимаюсь на ноги, со скрипом отодвигая стул позади себя.

Пресс-конференция не задалась с самого начала. Это глупо отрицать. Как бы я ни пыталась вывести ее в более интеллектуальное русло, газетным писакам интересны лишь две вещи: обсуждение политических дрязг и копание в грязном белье. Собственно, этим они и занимались весь прошлый час. Как же надоел этот дешевый цирк!

«Карина Владимировна, а рассуждали бы вы так смело, если б не имели второго гражданства?» «Почему вы не по-

шли на митинг в поддержку Панькова, хоть и позиционировали себя его сторонницей?» – бестактные вопросы, словно дротики с отравленными наконечниками, впиваются мне в спину.

Суки. Бесчувственные суки. Ничего святого для них нет. Мать родную продадут ради рейтинговой статьи!

С силой сжимаю кулаки, и ногти больно впиваются в кожу ладоней. Но это даже хорошо, что больно. Боль отрезвляет. По существу, она является единственной субстанцией в этом пропитанном лицемерием мире, способной вправить человеку мозги. А мне сейчас это крайне необходимо. Я и так наговорила слишком много лишнего.

Пулей вылетаю в фойе и, громко цокая каблуками по мраморному полу, устремляюсь к лифтам. Пара десятков метров, несколько этажей – и я наконец окажусь в долгожданном безмолвии пустого номера. Как и все творческие люди, я махровый интроверт, и стремление к одиночеству для меня – норма. Но сегодня я прямо-таки превосхожу саму себя: мое желание избавиться от посторонних превращается в настоящее наваждение.

Господи, побыстрее бы!

– Карина Владимировна, подождите, – позади раздается запыхавшийся голос Алины, моей ассистентки. – Куда ж вы так убежали? У нас ведь обязательства…

– Давай завтра, – притормаживая, вздыхаю я. – Все завтра, Алин. Я урегулирую, позвоню кому нужно, извинюсь.

Устало потирая виски, вскидываю взгляд на молодое румяное лицо девушки, в котором читаются отблески сочувствия. Возможно, даже искреннего. Алина – одна из немногих, кто, работая в медийной сфере, умудрился сохранить в себе человеческое начало.

– Как вы? – тихо и очень мягко спрашивает она, и я понимаю, что речь идет не о провальной пресс-конференции, а о моем внутреннем состоянии.

– Не очень, – честно признаюсь я. – Но завтра, надеюсь, будет лучше. Просто мне нужно немного побыть одной.

– Хорошо, – понимающе кивает она. – Я сделаю объявление, что вам внезапно стало плохо и именно поэтому вы так спешно покинули зал. К проблемам со здоровьем общественность относится более лояльно, чем к личным.

– Спасибо, Алин, – выдавливаю из себя благодарную улыбку. – Я пойду.

Попрощавшись с ассистенткой, прохожу несколько метров и, остановившись у колонны, задумчиво приваливаюсь к ней плечом. Несмотря на явное нежелание с кем-либо разговаривать, я все равно чувствую потребность в поддержке. В небольшом участии и душевном тепле, которые могут подарить только близкие.

Проблема в том, что по-настоящему близких людей у меня нет. Ну, то есть формально ими, наверное, являются мама и муж, но в последнее время пропасть между нами можно мерить аршинами – так сильно и беспросветно углубилось

недопонимание.

И если в нашем с Олегом браке осталось хоть немного теплоты, которую мы отчаянно пытаемся сохранить, то отношения с матерью можно охарактеризовать одним единственным словом – плохо. Настолько плохо, что, даже находясь под дулом пистолета, я бы не позвонила ей, чтобы излить душу. Слишком много иголок в прошлом она в меня воткнула.

Немного подумав, я все же принимаю решение набрать мужа. Как-никак он сам просил отзвониться после конференции и рассказать о том, как все прошло.

Несколько секунд слушаю протяжные гудки, а затем из динамика доносится голос Олега. Приятный, но слегка высоковатый для мужского. Помню, из-за голоса в день нашего знакомства я даже подумала, что он гей. А потом, через пару недель в спальне убедилась в обратном.

– Да, дорогая, привет! Как все прошло? – сразу переходит к важному он.

– Привет, довольно паршиво, – невесело усмехаюсь я. – Набросились на меня, как стая голодных гиен. Каждый норовил укусить побольнее.

– А до чего в основном докапывались? – интересуется муж.

– Цитировали статью Лозового, где мой роман называется «бездушным продуктом западной поп-культуры», упрекали в идеологической диверсии, радикальном феминизме и прочих смертных грехах, – с иронией в голосе сообщаю я.

– Хреново, – после небольшой паузы отзывается он.

– Да не то слово, – мрачно подтверждаю я. – Ублюдки хотели испить мою кровушку, всю до последней капли. Но я не дала им этого сделать.

– В смысле?

– Просто встала и ушла.

– Взяла и без объяснения причин прервала конференцию? – голос мужа подскакивает на несколько октав.

– Ну да.

В трубке раздается тяжелый вздох, а затем Олег продолжает:

– А ты не думаешь, что погорячилась, Карин? Ведь от общественной огласки зависит успех твоей книги.

– Да плевать на этот успех! Пошли они все к черту! – в сердцах восклицаю я. – Что эти недалекие писаки понимают в настоящей литературе? Их взгляд зашорен, а рынок переполнен низкосортными бульварными романами, которые они восхваляют! Когда вокруг одни штампы, истинное искусство воспринимается в штыки.

– Ты безусловно права, но, – муж запинается, – тебе не кажется, что «Вечное» и впрямь немного сыроват и чересчур претенциозен? Возможно, ты где-то недожала, недоработала…

Поверить не могу. Просто не могу поверить, что он это говорит. Последние два года я пашу как лошадь, посвящая работе всю себя без остатка. Когда меня уже перестанет пре-

следовать это унизительная приставка «недо»?

– Роман хорош, – цежу сквозь зубы, изо всех сил сдерживая ярость. – И ты бы в этом не сомневался, если бы сформировал мнение сам, а не руководствовался рецензиями тупорылых критиков!

– Карин, не заводись, – дает заднюю он. – Ты же знаешь, я занятой человек. Вот будет отпуск, обязательно прочту все твои книжки.

Отпуска у Олега не было уже несколько лет. Так что вряд ли в ближайшем обозримом будущем ему представиться возможность познакомиться с моим творчеством.

– У меня лифт приехал, сейчас связь пропадет, – лгу я, стремясь поскорее завершить разговор, который с каждой новой секундой тяготит меня все больше.

– Понял. Спокойной ночи, дорогая, – с готовностью прощается муж, и я сбрасываю вызов.

Внутри все клокочет и бурлит от возмущения. Рассчитывала получить поддержку, а в итоге напоролась на новую порцию критики. Честно? Меня от нее уже тошнит. Понимаю, что профессия писателя обязывает воспринимать чужое мнение со спокойствием удава и невозмутимостью черепахи, но, черт подери, это все легко только в теории! А на деле очень неприятно, когда кто-то тыкает в твое творение палкой, измазанной в дерьме.

С излишней экспрессией нажимаю кнопку вызова лифта, будто это она виновата в том, что моя жизнь – сплошная чер-

ная полоса. Наверное, будь я мужиком, отправилась бы в бар отеля и нажралась бы там до поросячьего визга. А потом вышла бы на улицу, докопалась к первому встречному и спустила бы пар в пьяной уличной драке.

Но женщины, к сожалению, лишены подобных привилегий. Если у тебя есть яйца, то девиантное поведение воспринимается обществом как вариант нормы. Если же нет – ты просто чокнутая истеричка, по которой плачет психушка. Знаю-знаю, несправедливо, но давайте не будем забывать, что и в наше время чертов патриархат не сдал своих позиций.

Когда двери лифта наконец распахиваются, мое внутреннее раздражение колеблется где-то в районе максимума. Еще чуть-чуть – и взорвусь. И пускай пьяный дебош в баре отеля мне не светит, но бутылочку вина в номере я непременно разопью. А то у меня глаз уже дергаться начинает.

Делаю уверенный шаг, заходя в кабину, и буквально напарываюсь на несуразное нечто. Бритый череп, россыпь аляпистых татуировок на руках и наглый пристальный взгляд – передо мной стоит самодовольный юнец лет эдак двадцати и беспардонно меня рассматривает. Прямо-таки ощупывает глазами, будто слово «манеры» для него пустой звук. В приличном обществе на незнакомых людей так не пялятся.

Иллюзий насчет того, что он знает, кто я такая, не строю. Малец явно не представитель той целевой аудитории, для которой я пишу. Да и вообще молодежь нынче мало читает. А такие, какие он, наверное, за всю жизнь осилили не больше

десяти книг. И то, половина из них – комиксы.

Прохожу внутрь мимо его внушительной фигуры, и в ноздри тотчас забивается запах табака и ментола – верных спутников веселой юности. Помнится, когда мне было двадцать, я тоже курила сигареты и зажёвывала их жвачкой. Эх, беззаботное было время.

– Мне на четырнадцатый, – сухо говорю я, протискиваясь вглубь лифта.

Парень оборачивается, и его ярко-синие глаза впиваются в мое лицо.

– Ты прям подо мной, – усмехается он, нажимая кнопку нужного мне этажа.

Голос у него низкий, обволакивающий, с легкой хрипотцой, за которую, наверное, нужно благодарить сигареты.

– Что, простите? – решив, что ослышалась, переспрашиваю я.

– Я на пятнадцатом живу, – поясняет он, засовывая руки в карманы широких джинсов. – Вот и получается, что ты подо мной, сечешь?

От этого его «сечешь» мои уши сворачиваются в трубочку, клянусь. Но это я готова перетерпеть. Так же, как и то, что сосунок обращается ко мне на «ты», хоть я и старше его лет на десять. Но вот что меня капитально выводит из себя – так это его недвусмысленные намеки на постель, которые он так самонадеянно кидает. Терпеть не могу таких зарвавшихся наглецов.

Глава 2

Богдан

– Ты меня со своими текущими одноклассницами перепутал, что ли? Че за хрень несешь? – брезгливо сморщив аккуратный носик, выдает незнакомка.

О, обожаю, когда у телок не только офигенные сиськи, но и острый язычок. Пока эта брюнеточка по всем параметрам топ. Осанка, как у царицы, ноги от ушей, губы – просто фантастика. Пухлые, сочные – я б прям засосал. Не знаю, свои такие или, может, колет чего… Хотя мне, по большому счету, без разницы. Ничего против косметологии не имею. Люблю ухоженных баб.

– Я уже давно не школьник. И даже не студент, – обворожительно улыбаюсь. – Хотя одноклассницы в свое время по мне и правда текли.

– И даже не студент? – ехидно повторяет она. – Отчислили?

Хочет подколоть, но, как ни странно, попадает в цель. Отчислили. Сразу после первого курса. Но ей об этом знать необязательно.

– Ну, скажем так, я предпочитаю учиться не по методичкам, а на собственном опыте, – уклончиво отвечаю я, внимательно вглядываясь в ее надменное лицо.

Все-таки нереально красивая баба! Впервые за много лет меня так сильно торкает просто от присутствия женщины рядом. А она ведь даже не голая!

Должно быть, дело в том, что брюнетка совершенно точно не относится к числу моих фанаток. Да и вообще, походу, понятия не имеет, кто я такой. А меня это чертовски заводит! Если честно, все эти писки, визги и глаза на мокром месте от восторга мне уже поднадоели… Я забыл, что значит добиваться женского расположения. Забыл, каково это испытывать трепетное волнение в груди.

А вот ее холодная чопорность и неприступность меня будоражат. Есть в этом свой необъяснимый магнетизм… Что-то такое, от чего во мне просыпается инстинкт охотника. Такую женщину хочется покорять. И обладать ей тоже очень хочется.

Ничего не ответив, незнакомка с отсутствующим видом уставляется в стену, а я продолжаю пожирать ее голодными глазами. Чувствую, как рядом с ней кровь превращается в лаву, а внутри все начинает кипеть и вибрировать.

– Слушай, не знаю, что я должен сказать, чтобы тебе понравиться, – делаю крошечный шаг, приближаясь к ней. – Поэтому давай представим, что все уже сказано, и перейдем к более интересным темам. Желательно в моем номере.

Брови незнакомки стремительно ползут вверх, а лицо приобретает насмешливое выражение:

– Ты серьезно? – она окидывает меня презрительным

взглядом, будто я кусок говна на палочке. – Со мной, малыш, тебе явно не по пути, так что лучше иди и поупражняйся в искусстве флирта на ровесницах.

Открываю рот, чтобы ответить ей чем-то дерзким и провокационным, однако в эту самую секунду лифт резко останавливается, а свет в кабине гаснет. Оказавшись в кромешной тьме, мы какое-то время потрясенно молчим, а потом тишину прорезает голос незнакомки, пропитанный нотками паники:

– Что происходит?

– Застряли, – включаю фонарик на телефоне и, подсветив им панель управления, принимаюсь безуспешно тыкать в кнопку вызова диспетчера. – Электричество, похоже, вырубилось.

Девушка начинает глухо материться, а мне отчего-то делается очень смешно. Незадолго до случившегося я думал о том, как было бы круто сблизиться со строптивой брюнеткой, и эти мысли, очевидно, залетели прямо богу в уши. Ведь теперь у меня есть прекрасный шанс залезть ей в голову, а дальше, возможно, и под юбку. Я, она, замкнутое пространство и блаженная темнота вокруг – то, что нужно для осуществления моего коварного плана.

– И что нам теперь делать? – вопрошает незнакомка.

– Надо ждать, пока свет включится, – отзываюсь я, стараясь звучать как можно спокойнее, а то она, походу, нехило так нервничает. – Аварийку пока не вызвать.

– Но ведь можно позвонить им по телефону! – не унимается она.

Блин, че ж какая сообразительная?

– Ну, попробуй, – жму плечами я, вглядываясь в экран мобильника. – У меня вообще связь не ловит.

– У меня есть пара шкал, – отзывается девушка, вытащив из сумки Айфон. – Какой номер?

– Хрен знает. Может, в службу спасения звякнуть? – предлагаю я.

– Да-да, верно, – соглашается она, тыкая идеально наманикюренным пальцем в экран, а затем подносит телефон к уху.

Слегка убавляю яркость своего фонарика, чтобы резкий свет не бил в глаза, и кладу мобильник на поручни так, чтобы он лишь немного освещал потонувшее во мраке пространство кабины.

– Черт, ни фига не ловит, – недовольно шипит брюнетка. – Сбрасывается и все.

– Ладно, расслабься, – советую я. – Наверняка свет скоро дадут, и поедем дальше.

– Расслабься?! – взвивается она. – Это у тебя есть возможность просидеть лишний час в этом гребанном лифте, а у меня график по минутам расписан!

– А почему ты на меня-то гонишь? – хмурюсь я. – Это ж не я электричество вырубил.

Незнакомка нервно цокает, вновь и вновь пытаясь дозво-

ниться до службы спасения, но, судя по ее плотно поджатым губам и сомкнутым на переносице бровям, вызов по-прежнему не проходит.

– А че ты так завелась-то? – улыбаюсь я, стараясь разрядить напряженную обстановку. – Время девятый час, какие у тебя щас планы были? Прийти в номер и завалиться спать?

– Мои планы тебя не касаются! – огрызается она.

Ох, колючая. Но от этого еще сильнее хочется!

– Как тебя зовут? – интересуюсь я, приваливаясь спиной к стене лифта.

– А тебе какое дело? – все так же злобно шипит эта прекрасная гадюка.

– Я просто сегодня кино для взрослых посмотреть собирался, поэтому хотелось бы знать, какое имя выкрикивать в конце, – решив пойти ва-банк, заявляю я.

Ну а что? По-хорошему эту стерву явно не растормошить. Она из тех, кто терпеть не может невнятные подкаты, ванильные излияния и слабых мужиков. Я это с первого взгляда понял. С такими бабами либо жестко, либо никак.

– Ты охренел? – ее взгляд все-таки отрывается от мобильника и обращается ко мне.

– Охренел, – невозмутимо подтверждаю я. – Хорош корчить из себя Снежную Королеву, давай нормально пообщаемся? Я не кусаюсь, правда. Ну, если этого, конечно, не требуется.

– Нам с тобой не о чем общаться, мальчик, – делая акцент

на пренебрежительном «мальчик», отвечает она. – Твои вялые попытки залезть в трусы взрослой тете крайне неубедительны. Поэтому давай ты прикусишь свой непомерно длинный язык и обеспечишь меня столь долгожданной тишиной.

– Во-первых, я не мальчик, а Богдан. Запомни мое имя, ты будешь кричать его позже, – надвигаясь на нее всем телом, цежу я. – Во-вторых, дело не в возрасте. Просто ты крепко вжилась в роль конченной суки и отчаянно цепляешься за нее, как за спасательный круг. Я не знаю, в чем причина твоей стервозности… Возможно, проблемы на работе, а, возможно, ты просто давно не трахалась. В любом случае, если хочешь об этом поговорить – я готов выслушать. Если нет, то прекращай дерзить и врубай хорошую девочку.

– А то что? – с вызовом спрашивает она, и ее яблочное дыхание касается моей щеки. – Трахнешь меня против воли?

– Против воли я тебя трахать не буду, – твердо произношу я и, не удержавшись, провожу носом по ее лбу. – Но мы с тобой обязательно переспим. Это я гарантирую.

Сейчас я стою к ней так близко, что явственно чувствую обжигающее тепло ее кожи. Вижу, как бьется тонкая жилка на ее шее, и ощущаю, как высоко вздымается пышная грудь. Она охрененно красивая. Самая красивая женщина, которую я встречал. Дикая, непокорная и невыносимо желанная.

От ее пьянящего жасминового запаха в штанах мгновенно пробуждается жизнь, и я как никогда близок к тому, чтобы потерять контроль над своими рвущимися наружу инстинк-

тами. Правильные мысли тонут в нахлынувших волнах возбуждения, и мне нестерпимо, прямо до зудящей боли хочется впиться губами в ее сладкий, слегка приоткрытый от возмущения рот…

– Отойди, – уже гораздо тише и спокойней говорит она, упираясь ладошками мне в грудь.

Ништяк. Кажется, мне удалось сбить спесь с этой крали. Теперь она не выглядит такой высокомерный и напыщенной. Глаза потупила, ресницы трепещут, и даже вроде щеки немного порозовели. Хотя насчет румянца не уверен, в темноте могло и показаться.

Медленно отлепляюсь от нее и нехотя делаю шаг назад. Теперь нас разделяет примерно полметра, и я не могу избавиться от внезапного ощущения пустоты. Все-таки рядом с ней мне было гораздо круче.

– Зовут как? – хватаюсь за кончик потерянной нити разговора.

– Карина, – после небольшой паузы отзывается она, поднимая на меня взгляд.

И одновременно с ее словами в лифте загорается свет.

Глава 3

Карина

Лифт проползает еще несколько этажей, а затем его двери как ни в чем не бывало распахиваются на четырнадцатом. Так невозмутимо и естественно, будто не было этой незапланированной паузы без света, во время которой я впервые за много-много лет испытала такое острое смятение от внезапной близости незнакомого мужчины…

Находясь в каком-то странном оцепенении, на ватных ногах я выхожу из кабины, и в спину мне прилетает низкий голос Богдана:

– Карин! – я оборачиваюсь и тут же встречаюсь с обжигающе-требовательным взглядом его глаз. – Я живу в триста шестьдесят восьмом номере. Пробуду там весь вечер и всю ночь. Если смелая, приходи. Я буду ждать.

Его тон полон непоколебимой уверенности и властной решимости. Но помимо них в голосе слышатся едва уловимые нотки трогательной надежды, которые, пожалуй, подкупают меня даже сильнее.

При взгляде на него у меня вдруг резко повышается слюноотделение. Будто я на плитку молочного шоколада смотрю. Сладости я не ем уже много лет, берегу фигуру. Но сейчас мне вдруг отчаянно захотелось переступить черту, вку-

сить запретное, согрешить…

Не знаю, почему этот наглый юнец на меня так влияет. Может, дело в его непристойном, но в то же время дико волнующем предложении? Или в дерзких татуировках на широких плечах, которые теперь совсем не кажутся мне безвкусными? А, возможно, причина кроется в пронзительном, пробирающем до костей взгляде. Он щекочет, задевает нервы, горячит…

Я не успеваю ничего ответить – двери лифта, захлопнувшись, скрывают от меня смуглое лицо Богдана. И я вдруг осознаю, что по спине нестройными рядами бегут мурашки, а ладони, которые даже в самые ответственные моменты жизни не выдавали волнения, предательски дрожат…

Господи, да что же это со мной?

Медленно подхожу к нужной двери, на автомате прикладываю электронный ключ к замку и после короткого писка вхожу в номер. Скидываю Лабутены и блаженно разминаю затекшие пальцы ног. Шпильки – это, конечно, красиво, но все же ужасно бесчеловечно. Женщины десятилетиями носят деформирующую стопы обувь только для того, чтобы казаться чуть выше, чуть привлекательнее, чуть стройней… Вечная погоня за недосягаемыми стандартами красоты.

Расстегиваю юбку и она, соскользнув с бедер, гармошкой складывается у ног. Скинутая с плеч блузка приземляется рядом. Странное дело, обычно я крайне щепетильна в вопросах порядка, и когда вещи лежат не на своих местах испыты-

ваю острый дискомфорт. Но сейчас мне почему-то плевать. Даже сотую долю своего внимания этому уделять не хочется.

Перешагнув через валяющуюся на полу одежду, я подхожу к мини-бару и достаю из него заранее заказанную бутылку красного сухого. Ловко орудуя штопором, избавляюсь от пробки и подношу горлышко к носу, вдыхая приятный фруктовый аромат вина.

Сегодня у меня непомерно бунтарское настроение, поэтому, плюнув на условности, я делаю большой глоток прямо из бутылки. Во рту тут же появляется терпкий привкус, сопровождаемый легкой кислинкой в конце, и я удовлетворенно киваю: напиток на сто процентов соответствует моему вкусу.

Захожу в ванную и, заткнув слив, включаю горячую воду. Добавляю в джакузи немного пены, а затем кидаю туда круглую «бомбочку», состоящую из ароматических масел и морской соли. Обычно такая незамысловатая спа-процедура неплохо избавляет меня от усталости и нервного перенапряжения. Надеюсь, расслабит и в этот раз.

Возвращаюсь в основную комнату номера и, прихватив с собой бутылку вина, сажусь в мягкое уютное кресло. Собственные по обыкновению ясные мысли кажутся путаными и противоречивыми, и алкоголь в крови здесь совсем не при чем. Невольно я то и дело возвращаюсь к воспоминаниям о своей юности, о том времени, когда я была безбашенной оторвой: пила пиво, отжигала на вечеринках и могла спокойно поцеловать взасос первого встречного парня.

Сейчас у меня такое ощущение, что это было очень-очень давно. Будто в другой жизни, хотя на самом деле минуло лишь десять лет. Я ведь не старая, мне всего тридцать три… Это не так уж и много, верно? Но тогда почему я ощущаю себя чуть ли не на полтинник? Откуда взялась эта гнетущая изношенность души? Откуда столько ноющей боли в сердце?

Отчасти это, наверное, связано с тем, что я много работаю и мало отдыхаю. Но колоссальная занятость – это, скорее, ширма. Ширма, за которой я пытаюсь спрятаться от проблем. Просто трусливо прячу голову в песок карьеры, чтобы не видеть вопиющего уродства своей жизни, которую принято именовать личной.

Обычно проявление жалости к самой себе мне несвойственно. Я считаю это слабостью, а слабой в нашем конкурентном мире быть нельзя. Но сегодня мне нестерпимо хочется пустить слезу и хотя бы внутренне признаться в том, что я уже давно потеряла точку опоры. Что меня штормит и заносит. Что я сбилась с пути. Что мне страшно.

Я боюсь, что та веселая и беззаботная Карина, которая когда-то жила во мне, исчезла насовсем. Покинула мое тело и разум, оставив наедине с самыми темными сторонами личности. Расчетливая, принципиальная, холодная – должно быть, именно такую характеристику даст мне большинство людей из моего окружения. И самое печальное, что так обо мне думает даже собственный муж.

Муж. Когда мы с ним в последний раз разговаривали? Не

о делах и о работе, не на ходу и в перерывах между деловыми встречами, а просто так, по душам, неторопливо? Если честно, я даже не помню. Наверное, это было очень давно. Еще до трагедии, которая в одночасье сделала нас обоих на десятки лет старше.

Вы не поверите, но в молодости Олег был заводилой. Он притягивал людей как магнит: играл на гитаре, звонко распевал дворовые песни, катался на мотоцикле и курил анашу. Парни хотели быть его друзьями, девчонки мечтали нырнуть в его койку, а участковый всегда с подозрением косился на его карманы. Именно в такого Олега я и влюбилась. Тогда, много лет назад.

Но, к сожалению, сейчас муж изменился. Практически до неузнаваемости.

Компанейский мальчик превратился в солидного дядьку в дорогом костюме и с ролексами на руках. Нынешний Олег ведет здоровый образ жизни, зарабатывает большие деньги и трахается так, будто мы не в постели, а на совещании – монотонно, коротко и без эмоций. Разве что на часы во время секса не поглядывает.

И знаете что? Меня это устраивает. Наверное, потому что я сама себе напоминаю робота. Такая же безжизненная думающая машина. Острота ощущений куда-то пропала, остались лишь рефлексы и базовые инстинкты. Какому нормальному мужику понравится сношаться с роботом? Ответ очевиден. Поэтому я уже давно не злюсь на Олега.

Выпив почти полбутылки, я поднимаюсь с кресла и, на ходу скидывая нижнее белье, плетусь в ванную. Окунаю в горячую воду сначала одну ногу, затем вторую и только потом уже медленно погружаюсь сама. В теле начинает приятно покалывать, и я блаженно прикрываю глаза. Пена и вино сделали свое дело – сейчас мне гораздо лучше.

Однако стоит сомкнуть веки, как сознание тотчас наполняется яркими образами, от которых хочется бежать и одновременно с этим – побыть в них подольше. Передо мной лицо Богдана. Красивое, загорелое, с дерзкой ухмылкой на губах…

Хах, смешно, но натиск этого назойливого сопляка стал моим едва ли не самым ярким эротическим воспоминанием за прошедший год. Когда он неожиданно придвинулся ко мне в таинственном полумраке лифта, я почувствовала…. Боже! Я ощутила самое настоящее сексуальное возбуждение! Низ живота налился сладкой свинцовой тяжестью, соски напряглись, а дыхание сделалось прерывистым…

Как? Объясните мне, *как*этому невоспитанному мальчишке удалось сыграть на потаенных струнах моей души? Я ведь уважаемая писательница, победитель премии «Золотое перо», взрослая женщина, в конце концов. А он просто какой-то оборзевший юнец, брызжущий феромонами и не ведающий границ… Зачем я вообще позволила ему приблизиться? Зачем назвала ему свое имя?

Да, разумеется, я злюсь на себя за излишнюю сентимен-

тальность, но, с другой стороны, это ли не чудо, что я вообще способна испытывать что-то подобное? Трепет, волнение, даже тот же стыд. Это ведь все эмоции нормального, живого человека… А живой я себя не чувствовала уже очень давно.

Слегка оттолкнувшись от бортика джакузи, ухожу под воду с головой и несколько секунд слушаю свое сердце, стук которого ритмичными ударами отдается в висках. Нет, ну разве должен человек с бьющимся сердцем хоронить себя заживо? Жесткость по отношению к окружающим всегда вызывает осуждение, но почему никто не порицает жестокость к себе?

Я предавала себя все эти годы. Задыхалась под грузом вины, которую водрузила на плечи, не могла сделать и шага, не могла продохнуть. Крутилась как белка в колесе бесконечных будней, эксплуатировала силу воли и затыкала страдания антидепрессантами. К чему меня это привело? Где я сейчас? Чего хочу?

Я так давно не задавала этих вопросов своему внутреннему «я», что напрочь потеряла связь с ним. Но сейчас я впервые слышу его тонкий, пробивающийся сквозь плотную пелену навязанных убеждений голос…

Все, с меня хватит. Сегодня я не буду себя ограничивать. Пусть этот вечер станет исключением из правил, ведь я так давно не совершала глупостей. Я просто сделаю то, о чем меня просит истосковавшееся по любви сердце. И будь, что

будет.

Глава 4

Карина

Медленно бреду по коридору пятнадцатого этажа. Звуки моих шагов тонут в густом ворсе постеленного на полу ковра, и я безумно этому рада. Когда не слышишь и не видишь себя со стороны, решиться на отчаянный поступок как-то проще. Именно поэтому я почти не глядела в зеркало, когда собиралась. Ты вроде как обманываешь органы чувств, тем самым притупляя сосущее сознание вины, которое с каждой новой секундой все сильнее вгрызается в кожу.

Когда число триста шестьдесят восемь возникает перед моими глазами в виде позолоченных цифр, прикрепленных к двери, я шумно сглатываю. Волнение, нарастающее во мне с тех самых пор, как я вылезла из ванной, достигает своего апогея и парализующим страхом расползается по венам.

Господи. Что же я делаю? Неужели и впрямь среди ночи заявлюсь в номер к парню, с которым нас связывает лишь короткая поездка в лифте и который младше меня черт знает на сколько лет? Должно быть, я чокнулась, и мне пора сменить своего бесполезного психолога на матерого психиатра. Подключить, так сказать, тяжелую артиллерию. То, что я не в ладах с собой, мне давно известно, но вот что все настолько печально, я осознаю впервые.

Как зачарованная таращусь на ставшие уже какими-то магическими цифры и никак не могу решиться на конкретное целенаправленное действие. Надо либо уйти, либо постучать. Но ни то, ни другое не представляется возможным. Я будто впала в анабиоз: жизненные процессы замедлились, а мозг перестал функционировать.

В какой-то момент я понимаю, что стою напротив двери не одну, не две и даже не три минуты. Нет, ну, ей-богу, это уже смешно! Взрослая тетя решила изменить мужу с юным любовником, но не может выдавить из себя простого «тук-тук-тук». Что-то слабовато, не находите?

Похоже, моя хваленая самоуверенность оказалась лишь напускной бравадой. Какая из меня изменщица? Я вообще риск не люблю, консерваторша страшная. Даже в новые магазины и рестораны с опаской хожу. Страшусь перемен потому что.

Разочарованно выдохнув, делаю шаг назад, и в этот самый момент происходит нечто невероятное: деревянная дверь отворяется, и на пороге возникает тот самый мальчишка, воспоминания о котором весь вечер не давали мне покоя. На Богдане трикотажные спортивные брюки и белая майка-алкоголичка, оголяющая его впечатляюще мускулистые руки. Кожа на них до предела забита всякими чудными рисунками, среди которых я вижу изображения тигра, мишени, надпись на латыни и ни о чем не говорящие мне даты.

Однако выше перечисленное я подмечаю лишь мельком,

бессознательно, потому что мое внимание цепью приковано к его ярко-синим глазам, устремленным не просто *на*, а прямо-таки *в* меня. Взгляд парня, словно стрела, выпущенная из лука, – летит на поражение и попадает в самую цель.

Впервые в жизни зрительный контакт с человеком вызывает во мне такую сокрушительную бурю эмоций. Тут и растерянность, и смущение, и легкий испуг. Короче говоря, внутри бушуют все те чувства, о существовании которых в последние годы я напрочь забыла. И вот только что они всколыхнулись во мне вновь.

– Ты пришла! – с какой-то детской радостью в голосе произносит Богдан. – А я уж собирался идти на рецепцию и взятками выманивать у персонала номер твоей комнаты.

Боже, как же глупо... И как же чертовски приятно!

– Ты ничего обо мне не знаешь, – мой голос, напротив, кажется непривычно севшим. – Как бы ты им объяснил, чья комната тебя интересует?

– Я знаю твое имя и то, что ты самая красивая женщина в этом отеле. Думаю, этих данных им было бы достаточно, – он улыбается, обнажая ровные зубы натурального белого оттенка.

– Сомневаюсь, – моя усмешка выходит какой-то неубедительной. Наверное, потому что мне ни грамма не смешно.

Нервы натянуты тугой тетивой, сердце сбесившимся зверем колотится о ребра, колени подрагивают, а общее состояние близко к обморочному. В том, как это юнец влияет на

меня, есть что-то противоестественное, неправильное, нелогичное… Сотой долей замутненного разума, я осознаю абсурдность своего судорожного трепета, но поделать ничего не могу.

– Не сомневайся. Я бы нашел способ тебя найти, – с этими словами парень обхватывает мое запястье и силой тянет к себе, затаскивая внутрь просторных апартаментов.

Я хоть и явилась к нему сама, по доброй воле, но моя истерзанная совесть все равно рождает глупый и явно запоздалый протест:

– Подожди, – высвобождаюсь из оков его горячих пальцев. – То, что сейчас произойдет, должно остаться в стенах этого номера. Понимаешь?

Привычка все и всегда контролировать не покидает меня даже в столь пикантные моменты.

– Да, – торопливо кивает он, вновь протягивая ко мне руки.

– Нет, я серьезно, – не унимаюсь я. – Я уважаемый человек и обычно никогда так не поступаю…

– Замолчи, – Богдан накрываетмой рот ладонью, и я потрясенно замираю. – Я услышал тебя с первого раза и согласился. Я не один из тех ребят, кто не помнит и половины произнесенных ими слов. А объяснять причины своих решений ты вовсе не обязана, – он медленно опускает руку ниже, обводит пальцами линию моего подбородка, скользит по шее и ласково касается ключиц. – Давай просто согрешим, чтобы

тебе было что рассказать на своей следующей исповеди?

Ему все-таки удается выбить из меня улыбку. Искреннюю, широкую, глупую… Вот чертов провокатор! Думает, я святая? Что ж, сейчас я докажу ему обратное.

Глава 5

Богдан

Господь мог бы послать мне ангела, но, поразмыслив, решил, что в последнее время я слишком хорошо себя вел, поэтому расщедрился и послал мне Карину. В постели она оказалась настоящей распутницей. В самом потрясающем смысле этого слова.

Когда мой язык касается ее нежных бархатных губ, в мозгу резко что-то переклинивает. Кажется, выходит из строя система тормозов, и меня несет так, что не остается ни единого шанса на спасение. Ни для нее, ни для меня.

Наш поцелуй больше похож на взрыв, чем на проявление нежности. Грубый, напористый, с отголосками первобытных инстинктов – ударной волной он рушит незримые границы, которые еще недавно нас разделяли. Комната наполняется стонами, звуками ударяющихся зубов, приглушенным рычанием и аурой грядущего секса. Звенящей и будоражащей.

Обхватываю тонкие Каринины запястья и впечатываю их в дверь прямо над ее головой. Кажется, девушке нравится мое легкое доминирование, потому что прогиб в ее пояснице становится глубже, а давление бюста – сильнее. Очевидно, поддавшись порыву, он жадно закусывает мою нижнюю губу и, немного ее оттянув, заглядывает мне в глаза своими

бесстыжими и манящими.

«Ну, и кто здесь главный?» – беззвучно спрашивает Карина, но я ничего не отвечаю. Сегодня – мое время, моя ночь. Скоро она сама во всем убедится, и высокомерное, презрительно-насмешливое выражение навсегда покинет ее прекрасное лицо.

Вновь приникаю к жарким губам, углубляя возбуждающий поцелуй, и вдруг отчетливо понимаю, что мне до чертиков нравится вкус ее слюны. Такой естественный и притягательный, что хочется пропитаться им насквозь. Это ведь банальная биология, понимаете? Если человек подходит тебе по вкусу и запаху, значит, вы совместимы на самом фундаментальном, базовом уровне. И у нас с Кариной точное совпадение. Десять из десяти.

Я сдираю с нее одежду, как обезумевший от голода зверь. Шепчу что-то нечленораздельное, рвано выдыхаю ей в рот интригующие пошлости и переполняюсь таким восторженным предвкушением, будто она первая женщина, которую мне предстоит увидеть голой.

Забавно, но мой реальный первый раз даже близко не сравнится по эмоциям с тем, что я испытываю сейчас, разделяя момент страсти с Кариной. Девственности я лишился классе в девятом, и единственное, что помню из того дня, – это острое чувство неловкости, в процессе сменившееся желанием побыстрее сделать ноги. Все-таки первый половой опыт является сексом лишь номинально. По большей части

это невнятная возня, торопливые дерганья и мешающие расслабиться переживания о том, как бы не порвался презик.

Сегодня же все совершенно по-другому. В нашем с Кариной единении нет ни грамма смущения, ни намека на робость, ни капли стыдливости. Мы двигаемся так, будто трахались уже сотню раз, – уверенно, смело, решительно. С бешеным энтузиазмом и неукротимой энергией.

Абсолютно ошалев от желания, я покрываю влажными поцелуями каждый миллиметр ее шикарного, пахнущего розами тела. Шея, слегка выпирающие ключицы, тяжелая налитая грудь с призывно торчащими сосками, гладкий живот с необычайно эстетичным пупком – ничто не остается без моего внимания. Я ласкаю ее всю. Упоенно, жадно, рьяно.

– Блин, ты такая клевая, – мычу я, не отрывая губ от ее волшебной кожи. – Пошли в кровать?

Не распахивая глаз, Карина несколько раз согласно кивает, и я ловко подхватываю ее на руки. На ощупь она как пушинка, совершенно невесомая, поэтому я совсем не тороплюсь опустить ее стройное тело на постель. Вот она – вся здесь, в моих объятьях, в моей власти… Горячая, обнаженная, уязвимая. Можно истязать ее сочные губы, можно вдыхать пьянящий аромат ее волос… Любить можно, неистовствовать, бушевать.

Избавляю Карину от остатков одежды и громко сглатываю, наслаждаясь увиденным. Она – воплощение женственности и грации, а изгибы ее тела напоминают мне скрипку.

В детстве я играл на этом инструменте и уже тогда проникся его магнетизмом. Звуки скрипки способны пробудить в человеке самое потаенное, дикое, скрытое от посторонних глаз. Они способны свести с ума и при жизни вознести к небесам.

Так вот, с Кариной то же самое. При виде ее трепещущего под моим жадным взором тела меня нехило так вштыривает, будто вискаря хлебнул. Голову затягивает хмельным туманом, в ушах начинает звенеть, а лоб покрывается мелкой испариной.

Твою ж мать! Разве можно быть такой красивой, Карина?! Это настоящее преступление! Смертный грех, не иначе!

– Иди сюда, – девушка цепляет резинку моих штанов и вместе с трусами приспускает их вниз.

Любопытный обжигающий взгляд скатывается по моему животу, а в следующую секунду ее глаза застилаются пеленой животной похоти – зрачки расширяются, и тьма перекрывает собой зеленую радужку. Да, она меня хочет. В этом можно не сомневаться.

Я накрываю Карину собой, и мы вместе проваливаемся в какую-то дрожащую бездну. Нас разрывает на куски, пульсирующие от восторга, сминает, перемалывает, лишает рассудка, смывает к чертовой матери с берегов реальности.

Карина мечется по скомканным подушкам, впивается острыми ногтями в мою спину, до крови раздирая кожу. Кри-

чит, матерится, изгибает спину, вновь и вновь подаваясь навстречу моим бедрам. С горячим придыханием она повторяет слово «еще», умоляя меня не останавливаться, да я и сам не хочу. Наоборот, мечтаю превратить сладкое мгновенье в вечность, растянуть его на подольше, раствориться в нем.

Мы не просто трахаемся, нет, мы отдаемся друг другу. Без фальши, без остатка, выжимая себя по полной. Максимум громкости, максимум амплитуды, максимум эмоций. Предохранители сорваны, запреты раздавлены, здравый смысл утих. В русском языке просто нет слов, чтобы описать запредельность этого невероятного момента. А те, что есть, кажутся блеклыми и недостаточными.

Я вам честно говорю, *такого*со мной никогда не случалось. Ни разу во время секса за моей спиной не вырастали крылья. Ни с одной женщиной мне не было так охренительно хорошо. А сравнивать мне, уж поверьте, есть с чем. Половых партнерш у меня было много. Даже больше, чем просто «много». Когда ты популярен, отыскать подружку на ночь становится плевым делом. Достаточно просто ткнуть пальцем в толпу фанаток, и через пару минут выбранная девчонка будет стоять перед тобой на коленях – радостная и готовая на все.

Разумеется, поначалу такой расклад меня абсолютно удовлетворял. Приятно, когда не надо напрягаться, рыскать, просить. Желаемое само идет к тебе в руки, нужно просто пошире раскрыть объятия.

Но постепенно женская доступность стала мне приедаться. И здесь речь даже не о самом сексе, как о физическом акте, а об эмоциях. Фанатки, балдеющие от творчества, проецируют свои чувства на творца. Во время общения девчонки, как правило, заранее были ко мне расположены, и от этого с ними становилось как-то… Скучно, что ли.

Я жаждал драйва, охоты, флирта, но на деле мои отношения с противоположным полом складывались по давно известному и порядком поднадоевшему сценарию – совместное фото, пара-тройка ничего не значащих фраз, гримерка и быстрый перепихон.

Нет, конечно, порой мне попадались темпераментные натуры, которые вызывали небольшие колебания душевных частот. Но такие особы в последнее время встречались все реже и реже. Видимо, терялись в стремительно растущей толпе моих поклонниц.

А вот Карина – это нечто совершенно другое. Неизведанное, таинственное, вызывающее неподдельный интерес. Мне хватило одного взгляда на ее гордо расправленные плечи и точеный профиль, чтобы понять, что она в жизни не слышала моей музыки. Такие, как она, заливают в плейлист Бетховена и Шопена, а поэзию воспринимают исключительно через призму стихов Есенина и Пастернака. Современная молодежная культура для них – шлак, а знакомство с ней – ниже их достоинства.

В глазах Карины я обыкновенный парень, ноу нейм. И

спит она со мной не из-за денег и знаменитой рожи, а просто потому что хочет. Меня самого. Не бренд, который так активно вытесняет во мне личность, не сценический образ, в который я основательно вжился, а меня.

И с ней я такой, какой есть. Точнее такой, каким был до популярности. Обычный пацан с района, которого зацепила шикарная девушка. Она ему не по зубам, но он в лепешку расшибется, чтобы ей понравиться.

Черт, как же мне этого не хватало!

Глава 6

Карина

– Когда мне было девять, я избила соседского мальчика палкой, и за это во дворе меня прозвали Амазонкой, – с усмешкой сообщаю я, пока моя голова покоится на коленях у Богдана, а она сам неспешно перебирает мои волосы. – Они решили, что я сделала это из-за неприязни к мужскому полу. Вот дураки.

– А в чем была реальная причина? – интересуется он, внимательно всматриваясь в мое лицо.

– Тот мальчишка был живодером. Мучил дворовых кошек и собак, поджигал им хвосты, натягивал на головы полиэтиленовые пакеты. Никто не знал, что это именно он творит все эти ужасы. С виду такой приличный был, интеллигентный. И вот я как-то застала его с поличным: он избивал дворнягу. Палкой, как ты, наверное, догадался.

– И ты решила ему показать, как хреново быть на месте дворняги? – понимающе тянет парень.

– Ну, в общем-то да, – киваю я. – Он, кстати, потом животных мучить перестал. Ну, или просто следы своих бесчинств заметать научился.

– Отчаянная ты, – замечает Богдан, наклоняясь и протягивая руку к пачке сигарет, лежащей на прикроватной тум-

бочке. – Он ведь мог и тебя этой палкой огреть.

– Нет, – мотаю головой я. – Люди, обижающие слабых, как правило, очень трусливы. Давать отпор равным они не умеют. Когда я его лупила, пацан скулил и ныл похлеще любой дворняги. Жалким был просто до омерзения.

Не знаю, почему, но рядом с Богданом во в мне просыпается словоохотливость, которой я давно за собой не замечала. Хочется говорить, делиться, рассуждать. Не о чем-то важном и глобальном, а о какой-то трогательной фигне. О детстве, например, или об оторванных от реальности, глубоко философских вещах.

И самое необычное, что он меня реально слушает. Не так, как муж – вполуха, не так, как мама – с ярко выраженным скепсисом, не так, как журналисты – с расчетом использовать сказанное против меня, а с банальным и искренним любопытством. Задает уточняющие вопросы, смеется, кидает неравнодушные комментарии, будто то, что я говорю, ему и впрямь интересно.

– Сигарету хочешь? – спрашивает Богдан, раскрывая пачку.

– В номере нельзя курить, – округляю глаза я. – Пожарная сигнализация сработает.

– Она сработает, только если выдыхать дым прямо на датчик, – усмехается парень, цепляя губами сигарету. – Ну или если накурить до уровня тумана.

– Но…

– Даже не сомневайся, – перебивает он, чиркая зажигалкой. – Я это уже сто раз проверял.

Богдан блаженно затягивается, а я зачарованно смотрю на него снизу вверх. Наблюдаю, как белесый дым плавно скользит по его ярко очерченным губам, задевает щеку и растворяется в пространстве комнаты. Мне нравится, как он курит. Эстетично и очень по-мужски.

А еще у Богдана красивые пальцы. Длинные, гибкие, с обработанной кутикулой и аккуратно подстриженными ногтями. Вообще он не очень похож на метросексуала, но за собой явно следит. Это чувствуется в мелочах – в нарочито стильной небритости, в запахе чистого тела, в отсутствии волос подмышками.

– Будешь? – парень протягивает мне сигарету, зажатую между двумя пальцами, и я коротко киваю, мол, давай.

Он подносит руку к моему лицу, и я, жадно обхватив губами фильтр, делаю глубокий вдох. Рот и легкие тут же наполняются приятной горечью, и на несколько секунду я задерживаю ее внутри, прежде чем тонкой струйкой выпустить наружу.

– Крепкие, – улыбаюсь я, чувствуя легкое головокружение.

– Нет, просто ты давно не курила, – отзывается Богдан, делая очередную затяжку.

– Откуда ты знаешь? – удивляюсь я.

– Мне так кажется, – жмет плечами он. – Так что, я уга-

дал?

– Ага, – переворачиваюсь на бок и упираюсь взглядом в его рельефный живот с идеальными кубиками пресса.

Вот, что значит молодость. Можно курить, пить алкоголь, не выспаться и все равно выглядеть как спортсмен – свежо, подтянуто, сексуально.

– Ты производишь впечатление правильной и рассудительной, но по факту внутри тебя бушуют демоны, – со странной убежденностью в голосе заявляет Богдан, пальцем рисуя замысловатые узоры на моем обнаженном бедре. – Они хотят на свободу, им тесно в душной клетке.

– Мы знакомы всего пару часов, с чего такие выводы? – усмехаюсь я, дивясь его проницательности.

– То, как ты общалась со мной вначале, и то, как трахалась потом, говорит о многом, – с легким прищуром отвечает парень. – В тебе будто две личности: одна холодная и стервозная, а другая – страстная и открытая.

– И вторая тебе понравилась куда больше, – хмыкаю я.

– Да не в этом дело, – он качает головой. – Просто… Хочется понимать, какая из них на самом деле ты.

– Пожалуй, они обе, – подумав, выдаю я. – Бывают разные ситуации и разные люди, в зависимости от этого меняется мое поведение. Разве у тебя не так?

– Возможно, – он откладывает окурок в сторону, а затем мягко стаскивает с меня простыню, оголяя грудь. – Повторим?

Его глаза загораются хищным блеском, а я не могу сдержать рвущийся наружу нервный смех:

– Уже два раза повторяли, – хватаю края простыни и тяну ее обратно на себя.

– Ну и что? – он высвобождает колени из-под тяжести моей головы и рывком сдергивает с меня белое полотно. – Давай, Карина, ложись на спину и притворись, что твои ноги ненавидят друг друга.

Ох уж эти его шуточки. Пошлые, скабрезные и дико заводящие.

– Нет! – сопротивляюсь я, но, если честно, больше для вида. На самом деле я тоже хочу его. Снова. Просто не желаю, чтоб он считал меня изголодавшейся по качественному сексу теткой. Порой правда бывает крайне унизительна.

– Почему? – искренне недоумевает парень, нежно покусывая мочку моего уха. – Разве тебе не понравилось?

Если бы знал, как сильно мне понравилось, то испугался бы и убежал. Таких ярких оргазмов у меня не было очень давно. А, может, даже никогда…

– Ты был неплох, – небрежно бросаю я, стараясь не переигрывать с безразличием. – Но мой изначальный вопрос так и остался без ответа.

– Какой вопрос? – его язык скользит по моей шее, провоцируя появление мурашек.

– Сколько тебе лет? – шепчу я, закатывая глаза от наслаждения.

– Почему тебя это так волнует? – после короткой паузы Богдан нависает надо мной, и его острый синий взгляд впивается в мое лицо.

– Вдруг тебе нет восемнадцати, и меня посадят за растление малолетних, – отвечаю я, злясь на себя за собственную напористость.

Только что он так умопомрачительно ласкал меня, а теперь глядит с легким недовольством. Вот чего мне неймется?

– Мне двадцать два, – наконец говорит он. – Это на что-то влияет?

– Нет, – шепчу я, растягивая рот в извиняющейся улыбке. – Просто я гораздо старше тебя.

– Гораздо – это, когда разница в возрасте, как у Пугачевой с Галкиным, – ухмыляется он. – А все, что меньше, можно считать нормой.

– Это ты так решил? – изгибаю бровь.

– Да, я так решил, и ты со мной согласилась, – безапелляционным тоном заявляет он. – Теперь мы можем заняться тем, что действительно важно?

– Хочешь опять подвергнуть мое тело акту безжалостной плотской любви? – хихикаю я.

– Я хочу поцеловать твои губы, – он хитро мне подмигивает. – И те, что на лице, тоже.

Бесстыжие двадцать два. Никакого стеснения. Никаких предрассудков. Никаких надуманных проблем. Что в голове, то и на языке. Тотальная раскрепощенность.

Эх, как же я ему завидую!

Глава 7

Карина

Самое ужасное время для согрешивших людей – это утро. Ты только выныриваешь из объятий Морфея, медленно раскрываешь глаза, пытаясь ухватить реальность, и тут бам! Подобно гранате с сорванной чекой на тебя обрушивается осознание того, какую жесть ты сотворил накануне.

Я лежу неподвижно. Гипнотизирую взглядом высокий белый потолок и изо всех сил пытаюсь не расплакаться.

Я изменила мужу. Впервые за восемь лет брака я переступила черту. Переспала с другим мужчиной. Осознанно. На почти трезвую голову. И абсолютно добровольно.

Когда я успела стать предательницей? В какой момент мои отношения с Олегом перестали быть для меня высшей ценностью? И главное – когда наш брак дал трещину?

Вы знаете, я убеждена, что в счастливых отношениях измена невозможна. Нельзя увести любящего и любимого человека из семьи. Нельзя, и все тут.

Измена всегда там, где боль. Где разочарования, неоправдавшиеся надежды, завышенные ожидания. Измена не случается сама по себе. Она не причина проблем и не их первоисточник. Она их следствие.

Я знала, что у нас с Олегом не все гладко. В последнее

время мы часто ссорились, мало разговаривали и слишком много энергии отдавали работе. В наших отношениях, определенно, были трудности. Но, если честно, я не предполагала, что настолько серьезные.

Медленно скашиваю глаза в сторону, и сердце тут же предательски екает. Богдан лежит совсем рядом, по-мальчишески закинув руки за голову, и мерно посапывает. Красивый. Молодой. И олицетворяющий мое грехопадение.

Вчера рядом с ним я просто потеряла голову. Как бы банально это ни звучало. В тот момент мне казалось глупым испытывать гордость там, где можно получить удовольствие. Богдан меня поцеловал – и все разумные мысли задымились, заполыхали в ярко-красном мареве нашего обоюдного влечения. Меня накрыло обжигающей волной и утянуло глубоко на дно.

Впервые в жизни я не анализировала, не оценивала правильность происходящего, не пыталась держать себя в узде. Я плыла по течению, отдаваясь инстинктам и Богдану. Кайфовала, чувствовала радость каждой клеточкой своего существа, ощущала себя живой и нужной.

Нет, разумеется, я понимаю, что эта «нужность» надуманна. Вряд ли мой новоиспеченный любовник жаждет продолжения. Ему, как и мне, хотелось спустить пар, почувствовать некий драйв, возможно, впитать новый опыт… В конце концов, секс с тридцатилетней в его возрасте можно считать разнообразием.

Странное дело, когда в кругу знакомых обсуждали адюльтер, я всегда высокомерно посмеивалась. Мне казалось, что уж кого-кого, а меня эти земные страсти точно обойдут стороной. Я мнила себя благочестивой женщиной, свято чтящей институт брака, и осуждала тех, кто умудрялся вляпаться в подобные нелицеприятные истории.

И вот судьба сыграла со мной злую шутку. Я лежу в постели малознакомого парня – голая, пристыженная и… Сексуально удовлетворенная. Все-таки народная мудрость «не говори гоп, пока не перепрыгнешь» не лишена смысла.

Медленно, стараясь лишний раз не пружинить на матрасе, я встаю с постели и принимаюсь собирать с пола свои разбросанные вещи. Двигаюсь на цыпочках, словно какая-то домушница. Отчего-то мне очень не хочется, чтобы сейчас Богдан раскрыл глаза и стал свидетелем моего срамного бегства. Хватит с меня позора за эти дни.

Скрывшись в коридоре, торопливо натягиваю трусы и платье. Лифчик просто комкаю в руке – сейчас нет времени на длительные сборы. Задерживаю дыхание и, осторожно толкнув входную дверь, припадаю лицом к образовавшейся щелке. На первый взгляд, снаружи пусто. Ни горничных, ни гостей отеля не видно.

Раскрываю дверь пошире и, убедившись в том, что путь действительно свободен, плавно выскальзываю в общий коридор. Стараюсь шагать уверенно, но колени все равно дрожат. И руки тоже. Да и вообще я вся трясусь, как осен-

ний лист на промозглом ветру. Даже смешно как-то… Такая самодостаточная раньше была, непробиваемая… А сейчас словно обратно в пятнадцать лет вернулась – нервничаю, о чужом мнении беспокоюсь. Ужас!

К счастью, до своего номера я добираюсь без происшествий и ненужных встреч. Плотно прикрываю за собой дверь и расслабленно выдыхаю.

Все, хватит страшиться и рефлексировать на тему случившегося. Прошлого не изменить, а вот будущее полностью зависит от меня. И я не намерена спускать его в унитаз из-за одной ошибки. Сейчас схожу в душ, приведу себя в порядок и сделаю вид, что ничего экстраординарного не произошло. Прикрывать болезненные эмоции маской благополучности мне не впервой.

Спустя полчаса активного самовнушения я и впрямь чувствую себя лучше. Нервозность отступает, а ясный ум вновь берет бразды правления в свои руки. Накрасившись и переодевшись в элегантный дорожный костюм, я подхожу к телефону, который всю ночь простоял на зарядке, и вздрагиваю, увидев пропущенный вызов от Олега.

Собрав волю в кулак, стискиваю челюсти и делаю глубокий ровный вдох.

Не паникуй, Карина, не паникуй. Единственное, что может выдать тебя, – это ты сама. Веди себя непринужденно, естественно, и никто ничего не заподозрит.

– Привет, звонил? – говорю я, когда муж берет трубку.

– Привет, хотел узнать, во сколько у тебя самолет?

– Через два часа, – отзываюсь я, старательно контролируя голос. – А что, встретить хочешь?

– Э… Нет, у меня сегодня куча дел, – после короткого молчания отзывается он. – Но я могу прислать за тобой Игоря, если хочешь…

Ну, конечно, с дуба я, что ли, рухнула? Если б вечно деловой Олег изъявил желание встретить меня в аэропорту, то сейчас точно бы пошел снег. И плевать, что на дворе май.

– Не надо, я возьму такси, – отказываюсь от услуг его личного водителя.

– Смотри сама, – я прямо чувствую, как он пожимает плечами. – Слушай, Карин, сегодня Ольховский приезжает. Совещаться допоздна будем, а потом в ресторан его поведу. Так что ты это… Меня к ужину не жди.

– Хорошо, поняла, – киваю я. – Ивану привет.

– Передам, – бросает муж перед тем, как отключиться.

Что ж, мне его задержка даже на руку – будет время окончательно прийти в себя.

Собрав вещи, закрываю небольшой красный чемодан, цепляю на голову солнцезащитные очки и, перекинув через плечо дамскую сумочку, покидаю номер. Спускаюсь на первый этаж и подхожу к рецепции, чтобы сдать электронный ключ.

– Вам все понравилось, Карина Владимировна? – вежливо интересуется сотрудница отеля.

– Да, более чем, – лениво вздергиваю уголки губ.

– Отлично. Будем рады видеть вас снова! – она забирает у меня карточку и, заглянув в компьютер, добавляет. – Машина уже ждет вас у входа. Приятной поездки!

– Благодарю, – сухо отзываюсь я, спуская очки на глаза.

Разворачиваюсь и неторопливо шествую к крутящимся стеклянным дверям, когда позади слышу низкий хрипловатый голос, от звуков которого мои внутренности стягиваются тугим узлом:

– Карина!

Нет, только не здесь. Только не сейчас.

Глава 8

Карина

Притворившись, что ничего не слышу, делаю короткий рывок и ускоряюсь. Чемодан, катящийся за мной, дребезжит, проезжая по плиточным швам, а мое сердце дребезжит от одной только мысли, что мне снова придется посмотреть в синие требовательные глаза.

– Карина, стой! – голос Богдана становится ближе, и я до боли закусываю щеку с внутренней стороны.

С каждой новой секундой мое решение не оборачиваться кажется все более абсурдным, но я уже не знаю, как остановиться и дать отпор навалившейся панике. Залетаю меж вращающихся дверей и, слегка повернув голову, замечаю, что Богдан вошел в следующий за моим отсек.

Наша встреча неминуема, он вот-вот меня нагонит, поэтому разыгрывать проблемы со слухом дальше будет как минимум странно. Миновав стеклянные двери, останавливаюсь на крыльце отеля и натягиваю на лицо благодушное выражение.

– О, доброе утро! – снимая очки, я изображаю удивление.

– Доброе утро?! – взгляд из-под сомкнутых бровей кажется злым и не предвещающим ничего хорошего. – Ты, блин, издеваешься?!

Он напирает на меня, вмиг сокращая расстояние между нашими телами до неприличного.

– Богдан, спокойней, – нервно оглядываясь по сторонам, цежу я.

Не хватало еще публичного выяснения отношений.

– Карина, че за фигня?! – не обращая внимания на мои слова, восклицает парень. – Я проснулся, гляжу по сторонам, а тебя и след простыл! Попрощаться по-человечески не судьба, да?

Его тон полон негодования, а ноздри раздуваются, как у быка на родео. Несмотря на то, что из нас двоих старшая именно я, прямо сейчас Богдан находится в позиции разгневанного взрослого, а я – в позиции провинившегося ребенка. По крайней мере, именно так я себя ощущаю.

– Мне нужно было спешить в аэропорт, не хотела тебя будить.

Понимаю, моя ложь звучит смехотворно и глупо, но что еще мне ему ответить? Признаться, что наша ночь была одним из ярчайших событий в моей жизни и что теперь мне страшно? Что я не знаю, как вести себя дальше, и теряюсь от одного только взгляда его проницательных глаз? Нет, уж лучше я прикинусь ничего не понимающей овечкой. Так проще. Так безопаснее.

– Почему ты такая трусиха? – Богдан переходит на шепот и ласково, почти любовно заправляет выбившуюся прядь волос мне за ухо. – Ведь кайфово же нам вчера было. Мне аж

башню сорвало, честно…

Хочу убрать его руку от своего лица, но не могу. Просто не могу пошевелиться. Меня будто парализовало, будто невидимыми цепями оковало. Стою и тону в сапфировом море его глаз. Безмолвно, безропотно, с трепещущим сердцем. Ресницы дрожат, но моргнуть не получается. Я под гипнозом, порабощена его обаянием.

– Карин, – Богдан облизывает губы, и его большой палец замирает на моей щеке. – Давай еще раз увидимся? Пожалуйста.

С этими словами парень чуть подается вперед с явным намерением меня поцеловать, но я не даю ему этого сделать. В самую последнюю секунду, когда его губы почти касаются моих, делаю небольшой шаг назад.

– Я… Я не могу, – судорожно мотаю головой, стряхивая морок. – Я не местная, не из Питера.

– Ясен хрен, что не из Питера, мы ж в отеле с тобой познакомились, – усмехается он, продолжая жечь меня взглядом. – А откуда ты? Из какого города?

– Из… Это неважно! – отступаю еще на шаг. – Я замужем, Богдан. И то, что случилось вчера, не должно больше повториться. Никогда.

На лицо парня ложится грозная тень, а пухлые губы превращаются в тонкую нить:

– Почему не должно? Тебе ведь тоже было хорошо со мной.

Вот же упертый мальчишка!

– Ты вообще слышал, что я сказала?! – развожу руками. – Я за-му-жем!

– Я знаю, что ты замужем. Еще вчера понял, у тебя ведь кольцо на пальце, – мрачно изрекает он. – Однако это не помешало тебе переспать со мной.

К щекам мгновенно приливает стыдливый жар, а дыхание сбивается так, будто меня резко ударили под дых. Невыносимый, несносный провокатор! Вот, кто он!

– Прекрати! – смутившись, обрываю я. – Это не шутки. Если о нас кто-то узнает, это разрушит мой брак, мою карьеру и вообще всю мою жизнь!

Несколько секунд Богдан пристально смотрит мне в глаза, и под его прямым, полным немого осуждения взглядом я чувствую себя ничтожной букашкой. Лживой и лицемерной.

– Расслабься, никто не узнает, – наконец произносит он. – Пока ты сама этого не захочешь.

– Спасибо, – с облегчением выдыхаю я. – А теперь извини, мне пора. Я на самолет опаздываю.

Богдан ничего не отвечает, и я, приложив усилие, отдираю взор от его красивого сурового лица. Делаю пол-оборота, намереваясь спуститься вниз к машине, и потрясенно застываю на месте.

Буквально в десятке метров от нас, у подножья лестницы стоят несколько человек с профессиональной фототехникой в руках. Во время разговора с Богданом я краем уха слышала

щелчки затвора камер, но совершенно не придавала этому значения. Думала, показалось. А зря.

Будучи публичным человеком, я привыкла к общественному вниманию, но вот так в наглую репортеры за мной никогда не охотились. Я же все-таки не актриса и не певица, с чего вдруг такой ажиотаж?

Ловлю утерянное самообладание и, слегка обернувшись, бросаю Богдану через плечо: «Иди в отель». Затем подхватываю чемодан и, плотно стиснув челюсти, направляюсь к ожидающему меня автомобилю. Фотощелчки, подобно пулям, продолжают прорезать воздух, и я чувствую, как все мое нутро пропитывается противной липкой паникой.

Господи! Какая же я дура! Препиралась с любовником прямо на крыльце отеля! Менее подходящее место сложно даже вообразить! Где моя осторожность? Где здравый смысл в конце концов?! Стоило один раз оступиться, как вся рациональность полетела в тартарары!

А что, если они засняли то, как Богдан пытался меня поцеловать? Что, если эти снимки попадут в сеть? Что, если их увидит Олег?

Какой ужас! Какой кошмар! Во что я только вляпалась?!

Глава 9

Карина

– Это, блин, как понимать, Карин?! – Эдик, мой приятель и по совместительству агент, бросает передо мной распечатанные снимки, на которых запечатлены мы с Богданом на пороге отеля.

Сегодня мое утро началось рано и суматошно. Эдик позвонил и визгливым голосом сообщил, что нам нужно немедленно встретиться. Теперь понятно, к чему такая спешка.

– Откуда у тебя эти фотографии? – стараясь звучать спокойно, интересуюсь я.

– Тебе, милочка моя, повезло, что у меня связи в прессе! Знакомая из «Интро» позвонила, мол, так и так, есть свеженький материал по Ткачу, – тараторит он. – А потом спрашивает, уж не писательница Карина Гольдман с ним на снимках? Знает, что я с тобой работаю, вот по старой дружбе и звякнула.

– Свеженький материал по кому? – цепляюсь за фразу, которую совсем не поняла.

– По Ткачу, – повторяет Эдик, при этом глядя на меня так, будто это странное слово должно мне о чем-то говорить.

– Что это еще такое? – хмурюсь я.

– Мать моя женщина! – агент закатывает глаза. – Гольд-

ман, ты с луны свалилась? Не знаешь, с кем целуешься, что ли?

– Мы не целовались! – вспыхиваю я. – Это просто… Просто на снимках так кажется… Кадр неудачный!

– Ага, а на самом деле он тебе конфетку изо рта в рот передавал, – ерничает приятель.

Как вы, наверное, уже догадались, Эдик – латентный гей. Ну, то есть как латентный? Сам он, я думаю, свою ориентацию прекрасно осознает, но вот окружающих активно убеждает в том, что он гетеросексуал. Просто с развитым чувством стиля и врожденной эмпатией.

Лично я Эдика раскусила почти сразу, примерно через две недели тесного общения. Мы с ним вместе отправились на какую-то светскую тусовку, где было полным-полно моделей и прочих фей, при взгляде на которых у обычных мужиков текут слюни. А вот Эдик весь вечер смотрел мимо, будто не замечал их длинных загорелых ног и аппетитных бюстов. Его больше интересовали мальчики-официанты в обтягивающих брюках.

Где-то год назад я открыто спросила у Эдика, нравятся ли ему мужчины. В ответ он оскорбился и стал всячески отнекиваться, дескать, ничего он не гей и как я вообще могла так подумать.

Давить на него я не стала, ведь, если задуматься, такое поведение было в определенном смысле оправдано. Литературный бизнес – это вам не фэшн-индустрия, где гомосексу-

ализм уже давно стал нормой, а Россия – далеко не продвинутая в этом смысле Америка. Должно быть, Эдик так шифровался, потому что боялся потерять важные бизнес-контакты. Все-таки в издательском мире работают довольно консервативные люди.

– Так что за Ткач? – возвращаюсь к интересующей меня теме. – Скажи уже наконец!

– Богдан Ткаченко, более известных широких кругах как рэпер Ткач, – огорошивает меня Эдик. – Кумир молодежи и просто популярный исполнитель. Ты че, подруга, реально не в курсе?

– Рэпер? – медленно повторяю я, словно пробуя непривычное слово на вкус.

– Ну да, рэп – это такой речитатив под музыку, – он говорит так, будто я умственно отсталая.

– Да знаю я, что такое рэп! – отмахиваюсь я, справившись с первым шоком. – Мне не сто лет вообще-то!

– Просто у тебя такое лицо, словно ты таракана проглотила, – выдает Эдик. – Причем сначала проглотила, а потом уже это поняла.

Сам того не зная, он оказывается не так уж далек от истины: сначала я переспала с парнем, а потом узнала, что он звезда среди молодежи. Полный трындец, товарищи!

Нет, серьезно, Богдан – рэпер? Популярный исполнитель? Певец? Вот чего-чего, а этого я никак не ожидала! Думала, он просто студент в академическом отпуске или… Ну, не

знаю… Чем там обычно занимаются ребята в двадцать два? Пиццу развозят? На автомойке подрабатывают?

Конечно, тот факт, что мы с ним повстречались в одном из самых дорогих питерских отелей, должен был меня насторожить, но я как-то не стала заострять на этом внимание. В конце концов, Богдан мог быть сыном богатых родителей или, скажем, айтишником… Я слышала, они сейчас неплохо зарабатывают.

Но шоу-бизнес?! Это, честно говоря, из ряда вон! Просто в голове не укладывается!

– То есть он знаменит? – подытоживаю я свои молчаливые рассуждения.

Значит, это за ним, а не за мной охотились те коварные журналюги! Они как-то вызнали, что Богдан остановился в этом отеле, вот и поджидали его у входа! А я-то наивно решила, что вся эта заварушка из-за моей нескромной персоны.

– Конечно, знаменит! Не то слово! – усмехается Эдик. – Карин, а как так вышло, что вы с ним тесно общались, но ты при этом ты понятия не имеешь, кто он такой?

– Ой, это долгая история, – вздыхаю я.

Прямо сейчас у меня нет сил придумывать какие-то благозвучные версии нашего с Богданом знакомства. По правде говоря, я вообще не предполагала, что мне придется это с кем-либо обсуждать. Думала, уеду в Москву, а моя интрижка останется в Питере – так и распрощаемся. Но злодейка-судь-

ба распорядилась иначе.

– Эти снимки надо убрать, Эдик. Срочно, – собравшись с мыслями, говорю я.

– Ты думаешь, я не пытался, Кариночка? – агент иронично вздергивает брови. – Да я все утро с ними на телефоне, они вообще ни в какую!

– Ну, что ты в самом деле?! – раздражаюсь я. – Денег предложи!

– Предлагал, им этот материал дороже, – качает головой Эдик. – Они его сейчас выпустят, и новость за считанные минуты по Интернету разлетится. Просмотры, ажиотаж – все у них. А что? Молодежь, знаешь, как этого Ткача любит? Прямо кипятком на концертах писает! Так что новость о его девушке они точно мимо ушей не пропустят.

– Какой еще девушке?! – от возмущения мне аж дышать нечем становится. – Ты че несешь, Эдик?! Я вообще-то замужем! А эти фотографии… Да на них даже лиц толком не видно! И вообще! Это же вмешательство в частную жизнь! Мы можем засудить этих репортеров? Можем, Эдик?

На меня накатывает такое сильное волнение, что я начинаю заикаться и дрожать. Вся эта ситуация из просто неприятной грозит превратиться в катастрофу, и я совершенно не знаю, что мне предпринять.

– Карина, мы в России, ау! – приятель щелкает перед моим лицом. – Засудить за вмешательство в частную жизнь? Ты серьезно?

– Эдик, – трясущимися пальцами я подпираю виски, – что делать-то будем?

– Знаешь, я думаю, они рассмотрят возможность удаления этих кадров в обмен на интервью, – после недолгого молчания, заявляет агент.

– Интервью? – я радостно вскидываю на него глаза. – Конечно, давай договоримся об интервью! Я с удовольствием его им дам, если они сожгут эти чертовы фотки!

– Да не ты им нужна, Карина! – Эдик машет на меня руками так, будто я сморозила несусветную глупость. – Богдан твой! С ним интервью организовать надо! У них же молодежное издание, канал на Ютубе свой… Не в обиду тебе будет сказано, но авторы социальной прозы их не интересуют.

С тяжелым вздохом я сутулюсь и роняю лицо в ладони. Ну почему? Почему их всех сопляков России я переспала именно с популярным рэпером? Ну что же это за закон подлости такой?

– Позвони его представителям, договорись об интервью, денег им заплати, – чувствуя внезапно навалившуюся усталость, говорю я. – Сделай, что угодно, лишь бы эти кадры не попали в сеть!

– Карин, у меня иногда складывается впечатление, что ты на другой планете живешь, – Эдик садится в кресло напротив. – Там же вся суть в том, что у Ткаченко и главной редакторши «Интро» пару лет назад случился конфликт. Об этом все паблики в социальных сетях писали. Чего-то они

там не поделили, или кто-то кого-то обозвал – в подробности не вникал. Но с тех пор Ткач с ними наотрез сотрудничать отказывается. Почему я это знаю? Моя знакомая из «Интро» уже несколько месяцев пытается с ним об интервью договориться, и все никак. Вот я и подумал, если уломать паренька на сотрудничество, то, возможно, они и откажутся от идеи распространения этих фоток.

– Отлично! Осталось только уговорить Богдана дать интервью людям, с которыми он в ссоре! – саркастично восклицаю я. – И как ты собираешься это сделать?

– Я? – Эдик выпучивает глаза. – Кариночка, милая, не сочти за дерзость, но, думаю, моя роль на этом этапе заканчивается. Дальше давай сама. В конце концов, он твой знакомый, а не мой!

– Ты мой агент! – встаю на дыбы.

– Но не раб же, – обороняется Эдик. – А в чем, собственно, проблема? Позвони ему, обрисуй ситуацию… Или, думаешь, откажет?

– Я… Я не знаю! – в панике заламываю руки. – У меня даже нет его номера, понимаешь? Мы общались-то всего-ничего…

– Успокойся-успокойся, – приятель подскакивает ко мне и принимается ободряюще похлопывать по плечу. – Мы сейчас что-нибудь придумаем. Он же публичный человек, наверняка появляется на всяких светских мероприятиях…

– Он рэпер, а не художник! Какие светские мероприятия?

– издаю горестный стон.

– Ну, значит, не светские, – суетится Эдик. – Ты давай, раньше времени не убивайся. Сейчас мы все выясним. Интернет нам в помощь.

Глава 10

Карина

После пятиминутного копошения в телефоне Эдик сообщает, что ближайшее выступление Богдана состоится через два дня в одном из многочисленных ночных клубов столицы. Название заведения мне ни о чем не говорит, но это, наверное, потому что я очень давно выпала из тусовочной жизни.

– Ну вот и все, дело в шляпе, – довольно потирает ладони приятель. – Тебе всего-то и нужно попасть к нему за кулисы и уговорить дать интервью для «Интро».

В голосе Эдика звучат нотки облегчения, будто все то, что он озвучил, – плевое дело. Однако я его настроений разделяю. Как по мне, поставленная задача отдает бредом сумасшедшего и поэтому изрядно меня страшит. В ней слишком много неизвестных, которых я не просто не понимаю, но и искренне не хочу понимать.

– Попасть за кулисы? – пребывая в глубочайшем шоке от происходящего, переспрашиваю я. – Как ты себе это представляешь? Мне что, пробиваться сквозь толпу его юных фанаток, работая локтями?

– Ну почему сразу локтями, Кариночка? – кривится Эдик. – Мы же цивилизованные люди. Я попробую договориться насчет прохода, используя свои связи. Думаю, не откажут.

– Господи, какой кошмар, – в изнеможении прикрываю веки и откидываюсь на спинку кресла.

Мне становится дурно от одной только мысли, что придется толкаться в прокуренном клубе среди пьяной и обдолбанной молодежи. И все ради чего? Чтобы попасть в гримерку к главной звезде вечера. Я даже в двадцать лет подобной ерундой не страдала, а уж в тридцать это и вовсе попахивает шизухой. И как я только докатилась до такого?

– Ладно, Карин, расслабься, ничего страшного в этом нет, – Эдик обходит меня сзади и принимается массировать плечи. – Сходишь на концерт, развеешься, заодно узнаешь, чем дышит новое поколение…

– Никотином и его производными, – угрюмо вставляю я. – Тем же, чем и мы в молодости.

– Брось, наверняка появилось нечто новенькое, – не унимается мой агент.

– Боже, Эдик, да мне плевать, что они там употребляют, – поддаюсь очередному приступу раздражения. – Мне тридцать три, я вечера в ванной с книжкой должна проводить, а не на рэп-концертах!

– Хватит ныть, Гольдман! – гибкие пальцы Эдика покидают мою шею, и их обладатель вновь возникает передо мной. – Ты писательница или как? Воспринимай происходящее как творческую авантюру. Потусишь, проникнешься атмосферой, словишь вдохновение и напишешь очередной бестселлер, на этот раз про потерянное поколение зумеров.

– А что, если потерянное поколение – это мы, а не они? – мрачно интересуюсь я.

– Вот и порефлексируешь на эту тему в будущей книге, – усмехается он. – Ладно, дорогая, мне пора ехать. Надо этих киношников добивать, а то уже два месяца договор подписать не могут… Ты же хочешь, чтоб по твоей книге сняли сериал?

– Ага, – апатично отзываюсь я. – Давай, удачи.

Если честно, прямо сейчас мне на этот сериал плевать с высокой колокольни. Столь сильного внутреннего раздрая у меня не было со времен… Да никогда такого не было! Я даже в день выхода критических рецензий на свой первый роман так не нервничала…

Может, вина выпить?

Глазами, полными надежды, кошусь на часы, но время против меня – еще нет и двенадцати. Эх, пить в такую рань значит расписаться в собственном поражении и признать, что жизнь в очередной раз нагнула тебя. И опять не по любви.

Прикрываю веки и, чтобы хоть немного расслабиться, предпринимаю попытку дышать животом. Так нас учили на курсах интимной гимнастики, которые я проходила чуть меньше года назад. Стыдно признаться, но тогда я наивно верила, что прокачка мышц тазового дна поможет мне поддержать стремительно угасающий огонек наших с Олегом отношений. Мышцы-то в итоге окрепли, а вот секс горячее не

стал.

Надышавшись до состояния головокружения, протягиваю руки к ноутбуку, лежащему передо мной на столе, и резко распахиваю крышку.

Окей, Гугл, давай посмотрим, что ты можешь мне рассказать о Богдане Ткаченко.

«Tkach перешутил Александра Агафонова на его же интервью», «Богдан Ткаченко свел татуировку, посвященную бывшей девушке», «Двадцатидвухлетний рэпер побил рекорды прослушиваний в iTunes» – Интернет буквально взрывается от обилия статей о моем новом знакомом. Тут и обсуждения его личной жизни, и миллион фотографий с юными поклонницами, и видеозаписи с концертов, и тексты песен…

Глядя на это разнообразие информации, я чувствую, как к горлу подкатывает тошнота. Не потому, что увиденное мне неприятно (скорее, наоборот, так как Богдан на удивление фотогеничен), а потому, что с каждой прочитанной статьей, с каждым пролистанным снимком я все отчетливее понимаю, это никакая не шутка: мой молодой любовник действительно кумир подростков. Кумир подростков, представляете?!

Дрожащими пальцами навожу мышку на кнопку «плей» и коротким щелчком запускаю последний трек Богдана под названием «Фонари». Сначала ушей касается неспешная ритмичная музыка, пропитанная сочными, немного дребезжа-

щими битами, а потом из динамика раздается до боли знакомый голос. Низкий, прокуренный, хрипловатый.

На какое-то время все чувства, кроме слуха, отключаются, и я тотально погружаюсь в монотонный речитатив. В целом, композиция звучит довольно приятно, слова хорошо рифмуются друг с другом, а в тексте прослеживается смысл, который, кстати говоря, не так уж и примитивен. Но, несмотря на это, я не могу сказать, что песня мне нравится.

Во-первых, я не привыкла к мату в музыке. В мое время цензура в творчестве была как-то построже. Во-вторых, сама манера исполнения кажется мне немного странной: во время прослушивания создается ощущение, что Богдану очень лень открывать рот, и свои рифмы он выдает будто нехотя, из-под палки. Причем эта тенденция прослеживается из трека в трек.

Не знаю, может, я безнадежно отстала от моды, а, может, у меня просто плохой музыкальный вкус, но я, хоть убей, не понимаю всего этого ажиотажа вокруг его творчества. Во времена моей юности тоже был рэп: Децл, Многоточие, Каста. Но они читали по-другому – понятнее, энергичнее както… Хотя, справедливости ради стоит признать, что и их музыка не находила отклика в моей душе.

Поймите правильно, я родом из интеллигентной семьи. Мой отец – ректор небезызвестного московского ВУЗа, мать – некогда знаменитая прима-балерина Большого театра. До шестнадцати лет я была примером идеально воспитанного

ребенка: отлично училась, играла на фортепиано, печаталась в Мурзилке и никогда не перечила родителям.

Естественно, это все не могло продолжать вечно, и в десятом классе у меня случился подростковый бунт – я покрасила волосы в красный, стала курить и связалась с плохими ребятами. Но даже невзирая на это, в душе я всегда оставалась ценителем прекрасного.

Меня искренне восхищало творчество Шишкина, потому что, если долго-долго смотреть на его картины, можно заметить, как шевелятся кроны деревьев. Я любила музыку Рахманинова, зачитывалась Булгаковым и заучивала наизусть стихи Ахматовой. Мне правда нравилось то, что принято считать классикой.

И тут Богдан. Весь такой современный, продвинутый и… Совершенно мне не понятный. Начиная от манеры общения и заканчивая способом заработка на жизнь. Мы с ним настолько разные, что сам факт нашего знакомства можно отнести к области фантастики. Юный рэпер и возрастная писательница… Видите, даже звучит смешно!

Но, несмотря на различия и абсурдность нашей связи, мне было хорошо с ним. До умопомрачения хорошо. И это обстоятельство страшит меня больше всего остального. А друг я увижу Богдана и снова сорвусь в пропасть? Вдруг потеряю разум и опять рухну в его объятья?

Нет, понятное дело, ничего такого я делать не собираюсь, но все же… Единожды сорвавшись, я больше себе не верю.

Глава 11

Карина

В клубе очень людно и невыносимо накурено. Вентиляция работает из рук вон плохо и почти не справляется со своей функцией, поэтому волосы и одежда, вне всяких сомнений, провоняют дымом.

И зачем я только напялила пиджак от Баленсиага? Он совершенно не соответствует формату вечеринки и сразу выдает во мне белую ворону. А еще его легко могут облить чем-нибудь липким и трудноотстирываемым. В общем, глупое было решение.

Миновав узкий коридор, который буквально кишит молодыми людьми, самозабвенно исследующими рты друг друга, я вхожу в основной зал и с замиранием сердца устремляю взгляд на залитую неоном сцену.

Богдан стоит у самого края и, поднеся микрофон ко рту, энергично начитывает:

А нам бы просто неба, чтобы птицей в нем летать,

А нам бы просто денег, чтоб могли не воровать,

А нам бы просто смелости, чтоб воплотить мечту.

Скажи, ну разве много надо просто пацану?

В жизни его голос звучит гораздо более резко и громко, чем в записи, но все равно утопает в шуме толпы, которая одновременно с ним пропевает слова песни. Очевидно, присутствующие знают весь текст наизусть. Вот это я понимаю, любовь к творчеству.

Делаю пару шагов по диагонали и пристраиваюсь у перилл лестницы, ведущей вниз. На танцпол спуститься не решаюсь – судя по неистовым визгам и давке, там правят самые ярые фанатки Богдана, готовые на все, чтобы оказаться поближе к сцене. Мне, конечно, тоже любопытно поглядеть на исполнителя вблизи, но все же не настолько, чтобы из-за этого получить локтем в глаз.

Бросаю короткий взгляд на наручные часы, чтобы прикинуть сколько еще продлится эта вакханалия, именуемая концертом, и прихожу к выводу, что, наверное, не больше получаса. Мероприятие началось в восемь вечера, а сейчас уже почти одиннадцать. Вряд ли Богдан будет распинаться перед зрителями дольше трех часов. Не думаю, что за переработки ему платят.

Делаю глубокий вдох, запасаясь терпением, и вновь гляжу на сцену. Маленьким полотенцем, висящем на шее, Богдан утирает со лба пот и приступает к исполнению очередной композиции. На этот раз более мелодичной и медленной.

Едва я успеваю проникнуться мягкими звуками музыки, как почти весь свет в клубе гаснет и пространство погружа-

ется в полумрак. Ничего не понимая, я принимаюсь озираться по сторонам и вскоре убеждаюсь, что такой расклад удивляет исключительно меня. Будто это само собой разумеющееся, молодежь достает из карманов мобильники и, развернув их камерой к сцене, включает фонарики.

Теперь танцпол напоминает небо в яркую звездную ночь. Должно быть, со сцены это зрелище выглядит по-настоящему фантастично. Несколько сотен огоньков, покачивающихся в такт твоей музыке – что может быть лучше?

Богдан крепит микрофон на специальную стойку и затягивает какую-то лирическую балладу о любви к девушке, которой от него нужны были только деньги и которая в него не верила. Не знаю, отражен ли в песне реально пережитый им опыт, или это просто красивый вымысел, текст все равно цепляет за живое. Заставляет проникнуться и сопереживать парню, который их кожи вон лезет, чтобы доказать любимой, что он ее достоин.

И хоть этот трек, как и все другие, не соответствует моему вкусу, я не могу не признать, что он сделан талантливо. Да, в нем легкий перебор с драмой, да, игра слов могла бы быть чуть более оригинальной, но некой самобытности и душевности у него не отнять. А в творчестве это, наверное, самое главное.

Богдан одет в какую-то совершенно ужасную драную футболку и до неприличия низко сидящие джинсы, однако это не мешает ему выглядеть потрясающе притягательно и, я бы

даже сказала, сексуально. В вызывающей небрежности и ленивой расслабленности, с которыми он держится и поет, есть свой необъяснимый магнетизм. Вероятно, будь я двадцатилетней девочкой, уже бы все трусы промочила, любуясь им.

Зачарованная звуками его хриплого голоса, я ненадолго прикрываю веки, а, распахнув их, тотчас упираюсь взглядом в золотое кольцо на безымянном пальце. Забавно, но когда-то похожие эмоции я испытывала, слушая пение Олега.

Правда, то был обычный московский двор, а не сцена, да и музыка для мужа являлась лишь хобби, а не делом жизни. Но я все равно обожала, когда он бряцал на гитаре песни Цоя. Тогда Олег был проще, веселее и естественнее. Как, впрочем, и я.

Богдан заканчивает свою лирическую композицию, нежно поглаживая стойку микрофона, словно в его ладонях не бездушная палка, а горячо любимая девушка. От созерцания этой картины в памяти ярким пламенем вспыхивают воспоминания о том, как эти сильные, забитые татуировками руки скользили по моей коже, сжимали грудь и сминали ягодицы…

Переступаю с ноги на ногу, чтобы избавиться от дурманящего наваждения, но порнографические сценки, словно издеваясь, продолжают наводнять мое сознание… Чертов малец! Как ему удается даже на расстоянии сводить меня с ума?

– Ну и напоследок давайте сбацаем нашу старую добрую «На районе», – переводя дыхание, обращается к зрителям

Богдан. – Дайте шума, народ, а то вас неслышно!

Зал взрывается визгами и аплодисментами, изо всех сил поддерживая кумира. Когда чересчур эмоциональные фанатки наконец утихают, я могу уловить заводную мелодию, под которую Богдан отжигает, совершенно не ведая стеснения. Бегает по сцене как угорелый, танцует, похабно вращает тазом, и откровенно эпатирует публику своим совершенным прессом, дерзко задирая края футболки.

Знаете, говорят, по тому, насколько хорошо мужчина танцует, можно судить о его навыках в постели. Теперь я официально могу подтвердить эту теорию. Двигается Богдан ничуть не хуже, чем трахается.

Задорная песня заканчивается, а толпа еще долго не может угомониться: пищит, волнуется, вибрирует. В момент, когда Богдан тепло прощается со слушателями, ему в ноги прилетает…

Боже мой! Мне ведь не кажется?! Это действительно бюстгалтер?! Кто-то снял нижнее белье прямо посреди клуба и запульнул им в парня?!

Нет, все-таки я официально нарекаю себя закомплексованной старушенцией. Лично меня даже последняя степень алкогольного опьянения не заставила бы совершить столь безбашенный поступок.

С веселой улыбкой Богдан наклоняется, подхватывает кружевной бледно-розовый лифчик и оценивающе вертит его в руках:

– Впечатляет, – наконец изрекает он. – Прошу обладательницу это прекрасного предмета одежды заглянуть в мою гримерку.

Толпа затягивается протяжным «у-а-у», а Богдан заразительно смеется:

– Я просто белье девушке вернуть хочу! А вы о чем подумали, извращенцы?

Засунув бюстгалтер в задний карман джинсов, парень салютует толпе и скрывается за кулисами, а я продолжаю, как пришибленная, стоять на месте. Признаться честно, эта ситуация немного выбила меня из колеи, ведь на ее фоне контрастность наших с Богданов миров стала просто кричащей.

Зачем я вообще сюда явилась? Что я ему скажу? Собственный план вдруг кажется мне нелепым, и под ложечкой начинает неприятно сосать. То ли от страха, то ли от волнения.

Секунды стремительно утекают, и мне уже давно пора быть за кулисами, куда, по заверениям Эдика, меня должны пропустить. Но я не шевелюсь и даже почти не дышу, мертвой хваткой вцепившись в перилла.

Может, ну его к черту? Пускай публикуют эти дурацкие фотки? Общественности я ничего объяснять не обязана, а Олегу можно и соврать… Сказать, что мальчишка ни с того ни с сего набросился на меня у входа в отель. Якобы я вообще не при чем…

Поражаясь трусливости собственных мыслей, недовольно

качаю головой. Вот, полюбуйтесь, малодушие во всем его безобразии – ведь решилась же, пришла, нужного момента дождалась, а завершить начатое не могу. Еще и о том, как бы на Богдана все свалить, размышляю… Кошмар!

Стыдно, конечно. Словами не описать, насколько. В своих романах смелость как лучшее качество человека восхваляю, а сама что? Перед двадцатилетним пацаном спасовала?

Разозлившись на себя за излишнюю впечатлительность, поправляю пиджак и уверенным шагом шествую туда, где, по моим представлениям, находится гримерка. Надо просто сделать то, что наметила. Быстро и без избыточной рефлексии. Скажу Богдану, что он должен дать чертово интервью, а дальше дело за ним. Захочет помочь – поможет, нет – буду думать дальше. Нечего раньше времени паниковать.

Глава 12

Карина

Благополучно миновав охрану, я выхожу в плохо освещенный холл, в конце которого замечаю небольшую группу людей. Видимо, я не единственная, кто на сегодняшнем концерте прорвался за кулисы. Вскидываю подбородок, напускаю на себя холодность, которая является моей защитной оболочкой, и шагаю к гримерке.

Богдана замечаю сразу – он фотографируется с поклонницами, по очереди подскакивающими к нему ради заветного кадра. На их лицах читается искренний восторг, а на его – легкая утомленность, которую он, впрочем, умело прячет за ленивой улыбкой.

Останавливаюсь в паре метров от импровизированной фотосессии, терпеливо ожидая, когда она закончится. Не озвучивать же мне свою просьбу при посторонних?

Рядом с Богданом пристраивается миниатюрная блондинка лет восемнадцати и, повиснув на его плече, принимается отчаянно позировать. Неестественно дует губы, призывно выгибает спину и бесконечно взбивает волосы. Парень тоже смотрит в камеру, но с куда меньшим энтузиазмом. Кажется, то, как он выглядит в кадре, совершенно его не волнует.

Внезапно взгляд Богдана соскальзывает куда-то в сторону

и мимолетно проходится по мне. Потом, словно споткнувшись, замирает и медленно возвращается обратно.

Девочка рядом с ним продолжает как заведенная менять позы, а Богдан, оцепенев, продолжает неотрывно глядеть на меня. Так будто, не верит в реальность происходящего. Будто в голове у него звучат вопросы, а не спятил ли он?

– Богдан, а вы могли бы в объектив посмотреть? – интересуются девушка, взявшая на себя роль фотографа.

Пару раз парень недоуменно моргает, а затем, отстранившись от блондинки, выдает:

– Все, девчат, фотосет окончен. Сорян, устал очень.

Поклонницы недовольно кривят мордашки и заходятся в печальном «ну-у», но Богдан, вероятно, их уже не слышит. В несколько шагов он приближается к гримерке, распахивает дверь и, вновь обернувшись ко мне, произносит:

– Проходи.

Ну слава богу. Догадался, что разговор стоит начинать в более укромном месте, чем холл. Все-таки в отсутствии сообразительности его не упрекнуть.

Не проронив ни слова захожу внутрь, а Богдан следует за мной. С глухим звуком дверь за спиной захлопывается, и мы наконец остаемся наедине. Вдали от камер и любопытных глаз. Прямо как тогда, в лифте.

– Почему ты не сказал, что популярен? – разворачиваясь к нему лицом, начинаю я.

– Ты не спрашивала, – невозмутимо отзывается он, беря

в руки бутылку с водой. – Насколько я помню, тебя больше интересовал мой возраст, чем род деятельности.

В его голосе звучит усмешка, но я предпочитаю ее проигнорировать. Сейчас мне не до шуток. Совсем.

– В общем, дела обстоят так: фотографии, на которых мы с тобой запечатлены в довольно провокационном ракурсе принадлежат изданию под названием «Интро». Я так же, как и ты, крайне заинтересована в том, чтобы эти снимки не попали в Сеть, – по-деловому заявляю я. – А для этого тебе всего-то и нужно дать им интервью. Задача, как ты понимаешь, довольно проста.

Я замолкаю в надежде, что Богдан выразит согласие или, как минимум, прокомментирует мои слова, но парень выглядит на удивление отстраненным – неспешно пьет из бутылки, а потом и вовсе принимается копошиться в своем рюкзаке. Словно мой короткий монолог его ничуть не заинтересовал.

– Ты слышал, что я сказала? – пытаюсь вернуть его внимание.

– Слышал, не глухой, – кивает он. – Я просто куда-то свои сиги засунул, найти не могу… У тебя нет, случайно?

– Нет, я не курю, – подавляя раздражение, отвечаю я.

– А… Так, значит, да? – он одаривает меня ироничным взглядом. – Не куришь и не трахаешься на стороне. Ну-ну, я понял.

Очередной выпад в мою сторону. Остряк чертов.

– Так что насчет интервью? Ты готов его дать? – прогла-

тывая возмущение, спрашиваю я.

К сожалению, в данный момент я зависима от этого наглого, самодовольного сопляка, поэтому приходится наступать на горло собственным эмоциям и гасить их.

– О, вот они! – пропуская мимо ушей мой вопрос, Богдан извлекает из бокового кармана рюкзака пачку сигает и неторопливо закуривает.

Его движения плавны и размерены, а вот меня уже нехило так потряхивает от нетерпения. И долго он еще будет выпендриваться?!

– Хм… Выходит, ты здесь только из-за фоток? – задумчиво тянет он, выпуская в воздух облачко дыма. – А как же «привет», «как дела?», «я скучала»? Ты же вроде воспитанная девочка, Карин. Че как криво общаешься?

Парень сужает глаза и вперяется в меня пристальным взглядом. Настолько прямым и острым, что на коже он ощущается как прицел винтовки.

– Формальные любезности никогда не были моей сильной стороной, – сухо отзываюсь я. – Я пришла сюда по делу, и от тебя мне нужен конкретный ответ.

– Ну так ты скучала или нет? – Богдан продолжает гнуть свою линию.

– Нет, – отвечаю я, глядя ему в глаза.

Не знаю, откуда во мне берется этот юношеский протест. Ведь можно же быть помягче, проявить женскую хитрость и добиться при этом гораздо большего… Но нет, внутри меня

проснулся взбалмошный ребенок, который все хочет делать наперекор.

– Ладно, считай, поверил, – ухмыляется он. – Но тогда и мой ответ будет отрицательным.

– В смысле? – цежу я.

– Нет, я не дам интервью, о котором ты меня просишь, – с очаровательной улыбкой на лице отвечает засранец.

– Из вредности? – это не вопрос, а, скорее, констатация факта.

– Ну почему же из вредности? – Богдан делает очередную дразнящую затяжку. – Просто редактор «Интро», Вика Рябинина – редкостная сука, и я не хочу иметь с ней ничего общего.

– Как это по-взрослому лелеять свои старые обиды, – саркастично закатываю глаза.

– И о взрослости мне говорит женщина, втихаря сбегающая из постели после секса? – в тон мне парирует Богдан.

Вы только посмотрите, провокация на провокации. Что ни говори, а малец хорош. Не будь сложившаяся ситуация столь критичной, с ним было бы интересно препираться.

– То есть интервью ты не дашь, – подытоживаю я. – Это твое окончательное решение?

– Ну, не знаю, – парень неопределенно пожимает плечами. – Может, я хочу, чтобы ты меня поуламывала…

Мне известен этот прием. Сама сто раз им пользовалась. Сейчас заставит меня ползать перед ним на коленях, умоляя

снизойти до общения с «Интро», а потом, вдоволь потешив свое самолюбие, ответит отказом.

Ну уж нет. Не на ту напал, мальчик. Я не доставлю тебе этого удовольствия!

– Всего хорошего, – сухо бросаю я, направляясь к выходу.

Раз не хочет помогать, пусть катится к черту. Как-нибудь без него справлюсь.

– Карин, ты куда? – судя по голосу, Богдан движется за мной. – Я хотел у тебя кое-что спросить. Это важно.

Сцепив челюсти, притормаживаю и оборачиваюсь к нему. Мне, конечно, очень хочется уйти отсюда, громко хлопнув дверью, но глупая надежда на то, что у нас все же получится договориться, никак не умирает.

– Спрашивай.

– Посоветуй, с какой книги мне начать знакомство с твоим творчеством? «Хамелеон» или «Эффект Доплера»? – его смеющиеся глаза впиваются в мое лицо.

Вот, значит, как. Он тоже нарыл на меня информацию в Интернете. Счет один-один, малец.

– Вряд ли мои книги будут тебе интересны, – спокойно отвечаю я. – Там в основном про политику, классовую борьбу и прочие сложные для понимания вещи.

– Думаешь, раз я музыкант, то непременно тупой? – с вызовом спрашивает Богдан, приближаясь.

– Я не считаю тебя тупым, – возражаю я, отступая. – Я слышала твои тексты, в них порой встречаются довольно ин-

тересные мысли.

Парень делает еще несколько шагов вперед, тем самым загоняя меня в угол. Упираюсь спиной в стену, но взгляда от него не отвожу. Пусть не мнит о себе лишнего.

– Ладно, уговорила, – неожиданно заявляет Богдан, обдавая меня запахом сигарет и ментола. – Я дам интервью, если ты кое-что для меня сделаешь.

Его взор, подернутый томной поволокой, касается моих губ, мягко ощупывает их, а затем вновь возвращается к глазам.

– Даже не надейся, я не буду с тобой спать, – решив, что прочитала его мысли, усмехаюсь я.

– Этого и не требуется, – горячим шепотом обжигая мое ухо, отзывается он.

Глава 13

Карина

– Просто поцелуй меня, Карин. Один раз. О большем не прошу, – Богдан подается чуть вперед, и от жара его тела меня бросает в дрожь.

Будь я лет на десять моложе, то обязательно бы повелась на эту уловку. Но теперь, будучи опытной женщиной, я прекрасно понимаю, что одним лишь поцелуем дело вряд ли ограничится. У нас с Богданом уже был секс. Головокружительный, феерический, яркий. После такого остановится будет практически невозможно. Единожды соприкоснувшись, наши тела уже не разъединятся. По крайней мере, до тех пор, пока не насытятся близостью.

Но, с другой стороны, его предложение – это реальная возможность урегулировать беспокоящий меня вопрос с фотографиями, отделавшись малой кровью. Почему-то я не сомневаюсь, что Богдан непременно сдержит обещание. Он производит впечатление человека, умеющего отвечать за свои слова, а таким людям хочется доверять.

Если я очень постараюсь, то, возможно, смогу удержать взбунтовавшееся либидо в узде, и ничего страшного не произойдет. Один поцелуй – и проблема решена. Согласитесь, звучит заманчиво.

– Зачем тебе это нужно? – хрипло отзываюсь я, пытаясь оттянуть момент.

– Все время думаю о тебе… Голова чумная, работать не могу, – выдыхает Богдан мне в губы. – Ты ведьма, Карин, с ума меня свела…

Его руки ложатся на мою талию, и он рывком притягивает меня к себе.

– Подожди, – шепчу я, борясь с невыносимым желанием. – Это неправильно, понимаешь? Я не за этим пришла…

– Понимаю, – отвечает он, утыкаясь своим лбом в мой. – Я дам это чертово интервью, клянусь. Только выруби режим стервы… Хотя бы на минуту выруби.

Закрываю глаза и, слегка запрокинув голову, подставляю Богдану шею для поцелуя. И он целует. Точнее даже не целует, а медленно проводит горячим языком по коже, а потом страстно припадает к ней губами. Лижет, покусывает, жжет раскаленным дыханием.

Его ладони соскальзывают вниз и свирепой хваткой стискивают мои ягодицы. Больно, но в то же время приятно. Не знаю, почему, но грубая мужская сила меня всегда заводит. Причем с пол-оборота. Я не из тех, кто любит монотонную нежность. Мне подавай волосы, сжатые в кулак, шлепки по заду и громкий мат. И Богдан прекрасно об этом знает. Той ночью в отеле он делал все правильно. Я бы даже сказала, идеально.

Губы парня находят мой рот, и он жадно забирает то, о

чем просил. Ему совершенно плевать, что формально я так и не дала разрешения на этот запретный поцелуй и что мои ладони все еще упираются ему в грудь в немом протесте. Мальчишка слишком самоуверен для того, чтобы дожидаться позволения. Он не привык отступать. Не отступить и сейчас. Поэтому мне не остается ничего другого, кроме как покориться.

Обнимаю Богдана за плечи и блаженно провожу рукой по короткому ежику его волос. Он весь такой горячий, пылкий, страстный, что быть рядом с ним неприступной ледышкой просто невозможно… Хочется таять, как весенний снег, лужицей стекая к его ногам. Мурлыкать, наслаждаться, кайфовать.

– Не скучала, говоришь? – чувствую, как его губы растягиваются в улыбке.

– Н-нет, – тихо лгу я, с восторгом ощупывая твердые кубики пресса под его футболкой.

– А вот твое тело транслирует обратное, – ладони Богдана скользят по спине, подкрадываясь к застежке лифчика.

Одно ловкое движение, и моя грудь освобождается из тисков кружева.

– Что ты делаешь? – со смесью ужаса и восхищения спрашиваю я. – Мы договаривались на поцелуй. На один только поцелуй, помнишь?

– Помню, – парень торопливо стягивает с моих плеч пиджак вместе с расстегнутой блузкой. – Остановись, если мо-

жешь. Или меня останови.

Ах, чертов хитрец! Знает же, что не могу! Ни сил, ни желания нет.

Опять целуемся. Торопливо, порывисто, темпераментно. Трепетными, но в то же время напористыми касаниями изучаем тела друг друга. В порыве острого желания склеиваемся не только на физическом, но и на ментальном уровне. Его руки хозяйничают на моей груди, языки переплелись в знойном танце, а сердца бьются в унисон.

Под напором буйной мужской ласки самоконтроль, которым в былые времена я так гордилась, стремительно сдает позиции, уступая дорогу животной похоти. Я уже напрочь не помню ни целей своего визита, ни выдвигаемых условий, ни принципов…

Да пошло оно все к дьяволу! С Богданом имя собственное забудешь, не то что принципы!

И в тот самый миг, когда я отпускаю вожжи, позволяя себе окончательно расслабиться, происходит ужасное: в заднем кармане моих джинсов звонит телефон. И не просто звонит, а судорожно вибрирует, заставляя меня напрячься и замереть.

– Забей! – настойчиво шепчет Богдан, но я не могу этого сделать.

А вдруг это Олег? Он, должно быть, уже дома и обеспокоен моим отсутствием, ведь так поздно я обычно никуда не хожу. На дворе ночь, а жены нет. И объяснений тоже нет.

Нехорошо это. Очень нехорошо.

– Подожди, я должна ответить, – отпихиваю от себя парня и торопливо вытаскиваю мобильник.

Ну точно. Интуиция не подвела. Муж звонит.

Вскидываю глаза на Богдана, который стоит напротив меня и тяжело дышит. В его взгляде сквозит непонимание вперемешку с недовольством, а по скулам нервно разгуливают желваки. Парню явно не по душе, что его отодвинули на второй план, но сейчас это мало меня волнует. Я должна поговорить с Олегом. Причем так, чтобы он ничего не заподозрил.

– Ало, – стараясь контролировать дыхание, отвечаю я.

– Привет, ты скоро? – голос мужа звучит спокойно и расслабленно.

– Уже еду.

– Опять заработалась, да? – усмехается Олег, и на заднем фоне я слышу звон посуды. – На часы совсем не смотришь?

Он слишком высокого мнения о моих моральных качествах, чтобы превратно истолковать отсутствие дома в полночь. Восемь лет тотальной верности сделали свое дело.

– Да, что-то вдохновение нашло, вот и засиделась, – как можно беззаботней отзываюсь я.

– Понятно. Ну давай быстрее. Сегодня Аникин из отпуска вернулся, кукую-то настойку доминиканскую притащил. Мамахуана называется. Говорит, вкусная вещица, – по голосу чувствую, что он улыбается. – Будем пробовать?

– Конечно, – снабжая свой тон щепоткой энтузиазма, от-

вечаю я. – Скоро буду.

Сбрасываю вызов и несколько секунд гипнотизирую взглядом плинтус. Поднять глаза на Богдана сейчас представляется мне чем-то мучительным и невероятно сложным. Он ведь понял, что я говорила с мужем. Несомненно, понял.

– Мне пора, – собравшись с духом, отрываю взор от пола.

Богдан отошел от меня и медленно меряет шагами гримерку. На первый взгляд, он кажется вполне спокойным, но сжатые до белых костяшек кулаки и напряженная нижняя челюсть выдают обуревающий его гнев.

– Вот так просто возьмешь и уйдешь? – он застывает на месте и поворачивается ко мне.

Его слегка прищуренные глаза вперяются в мое лицо. Он смотрит так, будто не верит своим ушам, будто я сказала что-то возмутительное и лишенное логики.

– Да, уже поздно, мне нужно ехать, – вновь натягиваю маску рациональной холодности. – Свою часть уговора я выполнила, теперь дело за тобой, Богдан.

Он разочарованно выдыхает и, неверяще мотая головой, проводил рукой по волосам.

– Слушай, а, может, ты с профессией ошиблась, Карин? – его губы кривятся в злобной усмешке. – Может, тебе в актрисы надо было податься, а не в писательницы? Притворяешься офигенно. Стоя аплодирую.

Вместе с последней фразой он несколько раз хлопает в ладоши, и звуки его презрительных оваций громкими выстре-

лами пронзают накалившийся от напряжения воздух.

– Я пришла сюда из-за фотографий, – чеканю я, пытаясь не замечать того, с каким осуждением он на меня глядит. – Ты поставил условие, я его выполнила. Какие ко мне претензии?

Несколько бесконечно долгих мгновений горящие глаза Богдана шарят по мне в поисках ответов на вопросы, которые, очевидно, его терзают, а потом, вдруг резко потухнув, устремляются к окну.

– Никаких претензий, – безжизненным голосом отзывается он, поворачиваясь спиной и опираясь ладонями на подоконник. – Фотографии уберут, не переживай.

– Спасибо, – коротко выдаю я и, не дожидаясь ответа, вылетаю прочь из гримерки.

Глаза отчего-то застилаются мутной пеленой, а в горле начинает неприятно саднить. На ходу застегиваю лифчик и блузку, достаю из кармана пиджака ключи от машины и плотно стискиваю зубы, стараясь проглотить горькое ощущение собственной ничтожности.

Вы знаете, такой дрянью я себя еще не чувствовала. Ни разу. А сейчас противно так, что хочется удавиться. От самой себя противно, понимаете?

Глава 14

Богдан

– Ну и напоследок расскажи о своих творческих планах, – немного переигрывая с энтузиазмом, говорит рыжеволосая ведущая. – Что нас ждет грядущим летом? Новые треки? А, может быть, даже целый альбом?

– Да, альбом готовится к релизу, но… Думаю, он выйдет не раньше следующего года, – поразмыслив, отвечаю я. – А вот треки, конечно, будут. Люди нуждается в новых хитах, и кто, если не я, им их подарит?

– Самоуверенно, но справедливо, – усмехается девушка. – Спасибо, Богдан, что пришел. Было очень интересно с тобой пообщаться.

– Взаимно, – отвечаю ей улыбкой на улыбку.

– Итак, друзья, с нами был Богдан Ткаченко, – энергично продолжает она, устремив взгляд в камеру. – Я надеюсь, вам понравился этот выпуск, поэтому обязательно ставьте большие пальчики вверх и подписывайтесь на наш канал. Всем пока!

Еще пару секунд она воодушевленно скалится в объектив, видимо, ожидая окончания записи, а затем расслабленно выдыхает и откидывается на спинку дивана.

– Молодцы, отлично отработали, – властным голосом про-

возглашает редактор Вика Рябинина, решительно вторгаясь в съемочное пространство. – Видишь, Богдан, зря ты боялся. Все оказалось не так уж и страшно, верно?

– Все, кроме тебя, – подражая ее издевательскому тону, отзываюсь я.

– Дерзишь? – она окидывает меня насмешливым взглядом. – Ну дерзи-дерзи, тебе можно. Ты ведь у нас звезда.

– О, вот ты как заговорила? – дивясь ее лицемерию, смеюсь я. – Значит, я уже звезда, а не жалкий оборванец, неспособный связать двух слов и неумело копирующий Скриптонита? Помнится, именно так ты отзывалась обо мне в своих говнистых статейках.

– Богдан, ну брось, – Вика цепляет на свое хищное лицо выражение невинности. – Кто старое помянет, тому Грэмми не видать. А ты ведь хочешь Грэмми, правда, сладкий?

– Я хочу, чтоб ты от меня отстала, – честно признаюсь я, поднимаясь с дивана.

Прощаюсь с рыженькой ведущей, имя которой запамятовал, жму руку оператору и, прихватив с собой банку рекламируемого во время интервью энергетика, выхожу в коридор.

– Слушай, а может давай как в старые добрые времена? – следуя за мной, выдает Рябинина. – Я, ты, мой кабинет, поза шесть-девять.

Застываю на месте, пораженный наглостью и беспринципностью этой девицы. Пару лет назад, когда я был начинаю-

щим музыкантом, а Вика уже довольно популярной журналисткой, мы с ней трахались. Не от великой любви и даже не от большой страсти, а, скорее, от скуки. Но тогда я этого не понимал и по глупости путал бодрый секс с искренними чувствами.

Наверное, именно поэтому распинался перед Викой, зачитывая ей свои стихи и давая послушать демоверсии песен. Мне хотелось поразить ее, произвести впечатление, понравиться. И самое интересное, когда мы, голые и разгоряченные, лежали на полу в ее съемной хате, Вика хвалила мою музыку, говорила, что звучит она свежо и небанально, пророчила мне успешное будущее.

А потом, буквально через неделю после этих слов настрочила статью, в которой полила грязью не только мое творчество, но и меня. Мол, я жалкий подражатель, а все мои треки – штамповки. Когда я это прочитал, мне будто нож в спину воткнули. И дело было даже не в критике, к ней я относился спокойно. Дело было в Вике, которой я доверял и которая лгала мне в лицо.

Я тогда, конечно, вспылил, обиделся, послал ее на три буквы… Но она не унималась: звонила мне среди ночи, умоляла не воспринимать написанное на свой счет, мол, хвалебные оды никто читать не будет, а чернуху и скандалы люди хавают на раз-два. «Плохая реклама – это тоже реклама, Богдан! Поэтому ты мне еще спасибо должен сказать!» – Вика как могла оправдывала свой гнилой поступок маркетинго-

выми соображениями.

Но мне, если честно, было плевать на рекламу. Я никогда не относился к своему творчеству как к продукту, который надо всучить как можно большему количеству людей и, желательно, подороже. С самого детства музыка и стихи были для меня средством самовыражения, неким способом заявить миру о себе, рассказать о своих чувствах и переживаниях. А деньги и популярность являлись лишь следствием, вытекающим из этого.

Поймите правильно, если бы мне кто-то сказал, что я никогда не смогу зарабатывать на музыке, я бы все равно продолжил ей заниматься. Просто потому, что не могу иначе. Музыка – это моя жизнь, она вперемешку с кровью течет у меня по венам. Я слышу ее повсюду: в звуках машин, в пении птиц, в громыхании пасмурного неба и даже в детском плаче. Иногда мне кажется, что вместо извилин у меня в мозгу ноты, поэтому я так плохо разбираюсь в математике и так хорошо чувствую ритм.

Тот наш разговор, в котором Вика извинялась и заодно активно втюхивала мне свою философию черного пиара, стал последним. Больше мы с ней не общались и не виделись. До сегодняшнего дня.

– А, может, лучше позу шесть-восемь попробуем? – оборачиваясь, заявляю я. – Что скажешь?

– Это как? – девушка заинтересованно приподнимает бровь.

Взгляд у нее жадный, грязный и совершенно бездушный.

– Ты мне отсосешь, а я буду должен, – глумлюсь я.

– Да пошел ты! – фыркает Рябинина.

– С удовольствием, – через плечо бросаю я, удаляясь. У меня нет ни малейшего желания находиться а обществе этой змеюки дольше, чем требуется.

Дохожу до конца коридора и уже дергаю дверь на себя, когда внезапно Вика меня окликает:

– Ткач, а че это за баба, из-за фоток с которой такой кипиш навели?

– Тебя волнует? – нехотя притормаживаю.

– Ну, конечно, волнует. Ты же ради нее аж на интервью прискакал, гордость в одно место засунул, – брызжет сарказмом Рябинина. – При мне ты таким геройством не страдал.

– Какая женщина, такие и поступки, – парируя я и, не дожидаясь очередной ядовитой реплики от бывшей пассии, скрываюсь за дверью.

Глава 15

Богдан

Спустившись по лестнице, выхожу на улицу и блаженно тяну носом свежий воздух со звенящими отголосками скорого лета. Майское солнце, находясь в зените, топит Москву в теплом золоте. Поэтому по обыкновению мрачный город сейчас кажется приветливым, радушным и буквально лучится каким-то добрым, позитивным вайбом. Не знаю, может, дело в ясной погоде, а может, меня просто штырит от одной только мысли о женщине, ради которой, как выразилась Рябинина, я засунул гордость в одно место.

Знаете, когда после совместно проведенной ночи Карина по-английски покинула мой номер, я подумал о том, что у судьбы довольно извращенное чувство юмора. Впервые в жизни, просыпаясь утром, я искренне жаждал увидеть ту, с кем спал накануне. Но ирония заключалась в том, что она вовсе не хотела видеть меня.

Тогда, на крыльце отеля Карина четко дала мне понять, что наша связь – всего лишь разовая интрижка, которую она не намерена ни обсуждать, ни уж тем более повторять. Муж, карьера, репутация, пробудившаяся совесть – эти вещи стопорили ее, мешая разглядеть то особенное, что произошло между нами. Разумеется, я сделал вид, что понимаю ее, но

на самом деле я ни хрена не понимал!

Мне казалось неправильным и даже преступным расставаться вот так, толком не попрощавшись, не обменявшись номерами, не сказав друг другу самого важного… Но Карина была непреклонна и к тому же жутко нервничала, поэтому мне не осталась ничего другого, кроме как наступить на горло собственным желаниям и принять ее позицию.

Я уехал в Москву, вернулся к привычному ритму жизни, но думать о ней не перестал. Эта красивая, стервозная и в то же время потрясающе искренняя девушка запала мне в душу. Я пробил Карину через знакомых и вскоре выяснил подробности ее довольно занимательной жизни.

Оказалось, что она пишет книги. И не просто какую-то сентиментальную прозу для домохозяек, а самые настоящие постапокалиптические романы, в которых, судя по отзывам в Сети, поднимаются важные политические и социальные темы.

То, что Карина чертовски умна, я понял сразу, но, честно говоря, не думал, что настолько. Прочитав пару глав одной из ее книг, я почувствовал себя не то чтобы недоразвитым, но… Скажем так: фраза Сократа «я знаю, что я ничего не знаю» наконец приобрела для меня смысл.

А еще мне стало известно, что Карина замужем за неким Олегом Гольдманом, чье состояние в долларовом эквиваленте измеряется суммой с шестью нулями в конце. Я долго разглядывал их совместные фотографии, пытаясь понять, что

же такого особенного в этом скучном сорокалетнем мужике, раз он сумел сделать Карину своей женой. Вариант, в котором она вышла за него из-за бабок, я почему-то изначально не рассматривал. Карина явно не из тех дешевок, для кого деньги – веский повод для брака.

В причинах ее выбора я, само собой, так и не разобрался, но вот факт того, что отношения этих двоих уже давно дали трещину не вызывал у меня никаких сомнений.

Ну, скажите, разве бы она пришла ко мне в номер, если бы чувствовала себя по-настоящему любимой? Разве бы отдалась мне с такой пылкостью и горячностью, если бы дома ее ждал хороший секс? Разве бы повторяла мое имя, если бы думала об этом Олеге? Вряд ли.

Желание снова увидеть Карину вытесняло во мне все рациональные мысли, и я, пробив ее номер телефона через знакомых, стал всерьез размышлять о том, как бы позвонить ей и договориться о встрече. Нет, конечно, я понимал, что она откажется или даже пошлет меня лесом, но увлеченность этой женщиной стала граничить с одержимостью, поэтому я уже с трудом отличал годный план действий от безумного.

И в этот самый момент всплыли наши совместные фотографии. Не думал, что когда-нибудь скажу это, но я реально благодарен папарацци за то, что они караулили меня возле отеля. Ведь не будь этих снимков, Карина бы ни за что не явилась ко мне на концерт. Вся такая стильная, богемная и чересчур роскошная для прокуренного ночного клуба.

Когда я увидел ее меня будто током шибануло. Нервы дернулись, мышцы напряглись, затылок обдало жаром. В первые секунды я даже решил, что у меня глюк и Карина мне мерещится. Но время шло, а она не исчезала. Так и стояла неподалеку от моей гримерки. Надменная, гордая, неприступная.

Однако стоило мне припереть Карину к стенке, стоило коснуться горячей бархатной кожи, как вся ее холодность слетела на пол неживой маской, обнажив передо мной истинные эмоции девушки. В тот миг она была даже более страстной, чем в моих воспоминаниях. Более дерзкой и раскрепощенной. С буйной экспрессией отвечала на мои ласки, вонзалась в меня ногтями, кусала мои губы…

А потом у нее зазвонил телефон, в мгновение ока разрушив магию, окутавшую нас. Карина говорила с мужнем. Пускай коротко и формально, но все же… Значит, он ждал ее дома, думал о ней. Значит, какая-то связь между ними все еще существовала. И от осознания этой отвратительной правды мне вдруг сделалось очень хреново, будто в рожу с десяток раз плюнули.

За Кариной уже давно захлопнулась дверь, а я так и продолжал стоять у окна не в силах обернуться и вновь посмотреть туда, где пару минут назад мы с ней неистово целовались. Я ощущал себя раздавленным, униженным и каким-то потерянным… Словно я опять в восьмом классе и безответно влюблен в Аньку Пирогову, которая встречается с дру-

гим.

Тот вечер после концерта стал для меня кошмаром, но в то же время многое прояснил: как бы Карина не сопротивлялась, в ней определенно жили чувства ко мне. Она могла сколько угодно себя обманывать, но ее губы были честны. И это стало для меня решающим фактором.

Достаю из кармана пачку сигарет и неспешно закуриваю. Мне уже давно пора быть на студии, но настроение сейчас совсем нерабочее, поэтому я решаю подзабить на дела и просто прошвырнуться по Патрикам (*Патриаршие пруды – прим. автора*). Во время пеших прогулок ко мне часто приходят гениальные идеи. Кто знаете, может, повезет и в этот раз?

Достаю из кармана мобильник и, пару раз крутанув его в руках, набираю того самого знакомого, который за весьма умеренную плату подогнал мне Каринин телефон. После короткого обмена любезностями я перехожу непосредственно к делу:

- Слушай, Санек, я опять по поводу той писательницы, Карины Гольдман.

- А че случилось? Номер, что ли, неправильный? – тревожится парень.

- Да не, не в этом дело… Я тут прикинул и понял, что звонить мне ей не вариант. Надо вживую где-то пересечься. Сможешь подогнать инфу, где и когда она бывает? Мероприятия, может, какие? Театры, выставки и прочая лабуда?

- Блин, братан, ну это сложнее…

- С меня не просто «спасибо», разумеется, - легонько надавливаю я.

- Ладно, я попробую узнать, - после недолгого молчания отзывается он. – Но ничего не обещаю.

- Заметано, буду ждать, - весело отзываюсь я перед тем, как отключиться.

Ну что, кажется, настало время для решительных действий?

Глава 16

Карина

– Карин, ты не видела мои запонки? – доносится голос Олега из соседней комнаты. – Ну, те, что Андриевские дарили? Я вроде бы их еще не носил.

– Посмотри во втором ящике комода, я всю твою ювелирку туда сложила, – отзываюсь я, подкрашивая губы перед зеркалом.

Сегодня мы с мужем приглашены на торжественный прием в честь дня рождения благотворительного фонда «Доброта без границ», который решил публично поблагодарить всех своих меценатов: представителей государственных структур, крупных бизнесменов, спортсменов и звезд шоу-бизнеса. Компания Олега жертвует довольно внушительные суммы на благотворительность, поэтому на подобных мероприятиях он всегда желанный гость.

– Помоги, пожалуйста, – муж протягивает мне элегантные платиновые запонки.

– Мы долго там пробудем? – интересуюсь я, обхватывая белую манжету рубашки.

– Думаю, пару часов отсидеть придется, – отвечает он, поворачивая кисть так, чтобы мне было удобнее продевать запонки в отверстия. – Но ты не переживай, среди гостей бу-

дет много выдающихся персон, так что ты без труда найдешь интересных собеседников.

– Если ты про Лимонова, то еще одной тирады на тему реинкарнации я не выдержу, – усмехаюсь я.

– А как же бессмертие души, Карин? – иронизирует Олег.

– Да нет у нас никакой души, – отмахиваюсь я, приступая ко второму рукаву его рубашки. – Ты и сам это знаешь.

– Знаю. Но, в отличие от тебя, никогда не спорю с фанатично настроенными людьми. Это помогает сберечь нервы и сохранить отношения.

– Это называется конформизм, – не могу удержаться от колкого комментария.

– Лучше быть конформистом, чем бунтарем, дорогая, – нравоучительно заявляет муж. – В истории еще нет случаев, чтобы бунтари хорошо кончали. Че Гевара, Мартин Лютер Кинг, Ян Гус… Понимаешь, о чем я?

– Ленин? – цепляюсь за первое пришедшее на ум имя.

– Тот, что в мавзолее лежит? – с сарказмом уточняет он.

– Его хотя бы не убили, – ворчу я, при этом прекрасно понимая, что в данном вопросе муж прав: бунтарство и в нашем мире является восьмым смертным грехом.

– Ну, этого мы наверняка не знаем, – говорит Олег, оценивая мою работу с его запонками, а затем, чмокнув меня в висок, добавляет. – Спасибо. Ты готова?

– Да, только сумочку захвачу, – прохожу в гардеробную и, взяв в руки заранее подготовленный клатч, кидаю короткий

взгляд в зеркало.

Черное шелковое платье чуть ниже колена, изысканная укладка, нюдовый макияж и крупные бриллиантовые серьги – в моем образе нет и следа от былого бунтарство. Я выгляжу, как чертова мещанка, сытая и довольная жизнью. Все-таки не зря говорят, что истинный художник должен быть голодным. Какой уж тут протест, если на тебе тряпки и камушки стоимостью в миллионы рублей?

В очередной раз затолкав неудобные мысли в самую глубь сознания, я возвращаюсь в прихожую, где меня дожидается муж. Гладко выбритый подбородок, нарядный смокинг, до блеска начищенные туфли – Олег олицетворяет собой образ финансово благополучного мужчины. Должно быть, со стороны мы с ним кажемся безупречной парой. Оба успешны, представительны, недурны собой… Как жаль, что за идеальным фасадом далеко не всегда скрывается идеальное нутро.

Покинув квартиру, мы выходим на улицу, где нас уже ожидает машина. Поздоровавшись с Игорем, личным водителем мужа, я занимаю заднее сиденье, а Олег устраивается рядом. Почти всю дорогу до ресторана он беседует по телефону, обсуждая работу и какие-то неотложные дела, а я гляжу в окно, любуясь пролетающими мимо пейзажами.

Невзирая на то, что я всю жизнь прожила в Москве, она по-прежнему меня зачаровывает. Такая большая и в то же время такая уютная, напыщенная и невзрачная, богатая и бедная, культурная и варварская – город-контраст, го-

род-безумие, город-мечта. Москву можно любить, можно ругать, можно ненавидеть, но не признавать ее величие нельзя.

Игорь плавно притормаживает у ресторана и через зеркало заднего вида вопросительно косится на Олега, который по-прежнему увлечен деловой беседой.

– Да-да, Карим, я понял. Давай завтра за обедом это обсудим. Все, до связи, – он убирает телефон от уха и переводит взгляд на Игоря. – Что, приехали?

– Да, Олег Константинович, – кивает водитель. – Во сколько мне вас забрать?

– Часа через два-три, не раньше, – отзывается муж. – Но я заранее позвоню.

У входа в ресторан нас встречает широко улыбающийся молодой человек в бабочке и, найдя наши имена в списках приглашенных, услужливо распахивает перед нами дверь.

Надо признать, что в этом году фонд не поскупился и выделил довольно-таки приличную сумму на организацию праздничного мероприятия. Пирамиды из шампанского, шоколадные фонтаны, живые цветы на столах, инструментальная музыка, звучащая фоном, и популярные картины современных художников, развешенные по стенам, – вечеринка приятно удивляет даже меня, женщину, привыкшую к светским раутам и относящуюся к ним с долей здорового скептицизма.

– О, вот и чета Гольдманов пожаловала! – к нам подплывает седовласый мужчина под руку с молодой, вылепленной

из силикона блондинкой. – Карина, Олег, здравствуйте, дорогие друзья!

Это Борис Градский вместе со своей новоиспеченной супругой Каролиной – двадцатилетней охотницей за миллионами и, как мне кажется, бывшей эскортницей.

– Добрый вечер! – Олег пожимает руку давнему бизнес-партнеру и переводит взгляд на его спутницу. – Прекрасно выглядите, Каролина!

– Спасибо, – изгибая утиные губки в улыбке, отзывается девушка.

Мужчины заводят разговор о работе, а мне приходится поддерживать некое подобие светской беседы с юной жертвой пластической хирургии:

– Как вам торжество? Нравится? – без особого энтузиазма интересуюсь я.

– Ой, тут так все прикольно, – воодушевленно отзывается она. – Я даже сказала Бореньке, что нам нужно купить домой картины этих… Ну, а*нва*гардистов.

– Авангардистов, – на автомате поправляю я.

– Да-да, извиняюсь, – тушуется блондинка. – Я пока не очень хорошо разбираюсь в искусстве.

Усилием воли оставляю при себе едкий комментарий о том, что надо говорить «извините», а не «извиняюсь». Еще не хватало самоутверждаться за счет малообразованной молодежи.

– Ничего, наверстаете, – натягиваю на лицо улыбку, кото-

рая, боюсь, выглядит совсем неискренно. Должно быть, потому, что я абсолютно не верю в свои слова и произношу их из банальной вежливости.

Знаете, есть такие женщины, которым глянцевые журналы заменяют книги, а социальные сети увлекают их гораздо больше, чем качественное кино со смыслом? Так вот, Каролина как раз относится к этой категории. Ее мозг не обременен сложными мыслительными процессами, а на душе всегда легко и солнечно. По той простой причине, что она не умеет долго грустить.

Понимаете, грусть – это следствие определенного внутреннего анализа. Самокопания, если хотите. А о каком самокопании может идти речь, если главными проблемами человека являются уколы красоты, звездные сплетни и то, каким лаком покрыть ногти на следующей неделе?

Дураки всегда счастливее тех, кто умен. И в этом их бесспорное преимущество.

– Олег, я за шампанским, – коротко касаюсь локтя мужа.

– Хорошо, я тоже иду, – слегка наклонив голову, отзывается он, а затем, обращаясь к собеседнику, добавляет. – Рад был встрече, Борис, еще увидимся!

Беру мужа под руку, и мы вдвоем направляемся к столу с напитками, любезно кивая в знак приветствия попадающимся навстречу знакомым.

– Что-то интересных собеседников я тут не наблюдаю, – фыркаю я, делая крошечный глоток игристого.

– Брось, дорогая, не будь снобом, – беспечно отвечает муж, отправляя в рот сырное канапе на шпажке. – Кстати, я тебе говорил, что Градский отцом скоро станет? Каролина беременна.

– Правда? – в ужасе кривлюсь я. – Ему же под шестьдесят!

– Видишь, – он многозначительно приподнимает брови. – Люди даже в таком возрасте решаются, а ты…

– Не начинай! – резко обрубаю я. – Мы же вроде договаривались?

– Ладно-ладно, не заводись, – Олег примирительно приподнимает руки. – Я же просто к слову сказал…

Недовольно поджимаю губы и, вновь отпив из бокала, окидываю взглядом собравшуюся публику. Все как на подбор элегантные, солидные и до омерзения скучные.

Слегка поворачиваю голову к дверям, в которых то и дело появляются новые гости вечера, и вдруг резко замираю. Дыхание внезапно обрывается, а шампанское булькающими пузырькам идет у меня через нос.

Закашлявшись, я на секунду жмурюсь, а, открыв глаза, вновь устремляю взгляд в сторону, дабы убедиться, что увиденное не жестокая шутка больного воображения.

Нет, мне не показалось. Прямо посреди зала стоит он – мой самый большой грех и самое сладкое воспоминание. Свежий, подтянутый, молодой. В темно-синем костюме и белых кедах, которые, как ни странно, довольно неплохо сочетаются. Красивый настолько, что аж голова кружится.

– Держи, – Олег подсовывает мне салфетку, и я коротко киваю в знак благодарности. – А шампанское ничего, да? Не знаешь, что за марка?

– Поль Роже, наверное, – хриплю я, вытирая губы.

Очередной короткий взгляд вправо, и сердце с оглушающим «ба-бах» обрушивается в пятки. Богдан заметил меня и идет сюда. Прямо сюда, к столу с шампанским, где я стою в обществе мужа.

М-да, кажется, я поторопилась окрестить этот вечер скучным.

Глава 17

Карина

– Добрый вечер! – приблизившись к нам с Олегом, провозглашает Богдан с широкой улыбкой на лице.

Я сейчас упаду. Грохнусь на пол посреди ресторана, и будь, что будет. В сложившейся ситуации бессознательное состояние, определенно, сыграет мне на руку. Не надо будет общаться, удерживать на лице маску безразличия, которая так и норовит соскользнуть, и, самое главное, смотреть в синие, полные испепеляющих искр глаза.

– Здравствуйте! – сипло отзываюсь я, до боли в пальцах стискивая бокал.

Нервничаю так, что на лбу, кажется, выступил пот. И чего этот несносный мальчишка тут забыл? Мероприятие же только для членов фонда! Ни за что не поверю, что в двадцать два человек уже дозрел до благотворительности!

– Неожиданная встреча, согласитесь, Карина Владимировна? – его смеющейся взгляд останавливается на моем лице.

Ладно хоть не на «ты» обратился. И на том спасибо.

– Что правда, то правда, – выдавливаю я, чувствуя, как слабеют ноги. – Мир тесен.

Опасаясь за свое равновесие, обхватываю рукой край сто-

ла и частично переношу на него вес тела. Потряхивает меня, конечно, знатно, но чертов обморок все не наступает. А как хотелось бы!

– Вы знакомы, да? – беспечно интересуется ничего не понимающий Олег, с любопытством разглядывая Богдана.

– Да, мы пересекались на одном увлекательном мероприятии, – спокойно отзывается парень, пока я, подобно глушеному судаку, пребываю в полнейшей прострации. – Я, кстати, Богдан Ткаченко.

Он протягивает мужу руку, и тот после небольшой паузы ее пожимает.

– Гольдман Олег Константинович, – с легким наплывом пафоса представляется мужчина. – А вы недавно в фонд вступили? По-моему, раньше я вас не видел.

– Да, буквально на днях, – признается парень. – Решил, что пора внести свою лепту в благое дело.

– Похвально, – одобрительно заявляет Олег. – За такой осознанной молодежью будущее, да, Карин?

– Угу, – мычу я, залпом осушая бокал.

Напиться и забыться – вот мой новый план. На трезвую голову я больше ни секунды этого сумасшедшего спектакля не выдержу.

– Олег Константинович! – избавление приходит в виде председателя фонда, тучная фигура которого плывет прямо на нас. – Рад встрече, любезный! Все ли хорошо? Все ли нравится? Ну, замечательно, – короткий взгляд на меня. – Ка-

рина Владимировна, мое почтение, – снова переводит глаза на мужа. – Могу я вас украсть на пару слов? Для обсуждения деталей. Да-да, по поводу выставки на Цветном.

Без умолку тараторя, председатель утягивает Олега за собой, а мы с Богданом остаемся наедине. Нет, разумеется, вокруг нас по-прежнему десятки людей, но, как только парень появился в помещении ресторана, они все исчезли. Померкли. Побледнели. Сделались серой массой.

– Ты очень красивая, – рассматривая меня с напряженным вниманием, вдруг говорит Богдан. – Платье, волосы – все шикарно… Но сказать, что в тебе самое офигенное?

– Что? – непонятно, зачем я поддерживаю этот неправильный разговор.

– Глаза, – просто выдает он. – С виду ты такая неприступная, но в глазах огонь горит. И, знаешь, от него не только тепло, но и опасность исходит…

– Так, может, лучше держаться подальше? – с вызовом интересуюсь я, хватаясь за второй бокал шампанского. – Сгоришь еще.

– Ну и пусть, – усмехается парень. – С тобой и сгореть не жалко.

Присутствие Богдана, его слова, взгляды – это все вызывает серьезные перебои в работе жизненно-важных систем моего организма. Сердце, словно цирковой артист под куполом, кульбит за кульбитом выдает, желудок непроизвольно к диафрагме дергается, а мышцы трясутся в неконтролиру-

емом треморе.

Не будь я так напряжена, посмеялась бы над собой вволю. Взрослая женщина пришла на прием с мужем, встретила там любовника и тут же превратилась в паникующую малолетку.

Все-таки удивительно, насколько сильно наше восприятие себя зависит от внешних факторов. Раньше такое чувство, как самоирония, обходило меня стороной. Собственные поступки всегда казались мне в высшей степени логичными, а поведение максимально правильным. Но после встречи с Богданом все изменилось.

Теперь я уже не королева, свысока смотрящая на мир. Я упала с пьедестала и превратилась в обыкновенную грешницу. Грешницу, которой стыдно, неудобно, но в то же время хорошо. Так хорошо, что губы сами растягиваются в глупой и, на первый взгляд, беспричинной улыбке.

А ведь все потому, что *так*, как Богдан, на меня давно никто не смотрел. С восторгом и плохо скрываемым вожделением. Не таким, которого обычно хватает на пару минут невнятных фрикций, а таким, что заставляет кровь в венах по-настоящему кипеть. Всю ночь кипеть, понимаете?

Вот черт, опять эти похабные мысли. А еще говорят, что у мужчин все думы между ног. Я в этом смысле похлеще любого мужика буду – стоит Богдану появиться в поле моего зрения, начинаю воображать бог знает что.

– Зачем ты сюда пришел? – из всех сил призывая себя к адекватности, интересуюсь я.

– Из-за тебя, конечно, – парень даже не пытается выдумать какой-нибудь благовидный предлог. – Страшно хотелось с тобой увидеться.

Вот так просто и откровенно. Надо признать, что, в отличие от меня, Богдан потрясающе прямолинеен и раскован. Интересно, с возрастом у него это пройдет? Надеюсь, что нет. Люди, умеющие открыто признаваться в своих желаниях, достойны уважения.

– Ну что, увиделись? Теперь можешь идти домой, – продолжаю играть свою роль непробиваемой стервы.

Ну а что мне еще остается? У меня тут муж, куча знакомых вокруг… Я не могу просто взять и позволить чувствам взять верх над разумом. Не место здесь для этого. И не время.

– Поздно притворяться, Карин, – понизив голос до интимного шепота, произносит Богдан. – Я же вижу тебя насквозь.

– Ты так думаешь? – иронично вскидываю брови.

– Ну да, это легко, когда однажды уже побывал внутри, – в его глазах загорается шальной огонек.

Мне кажется, или он намекает на секс? Или это я всего слова Богдана воспринимаю в интимном окрасе? Черт бы побрал этого юнца с его двусмысленными фразочками!

– Ладно, приятно было пообщаться. Я пойду – усилием воли выдергиваю себя из неподобающих мыслей. – Хорошего вечера.

– Думаю, вечер и впрямь будет хорошим, – нараспев от-

вечает Богдан, хитро улыбаясь.

Боже, ну что он еще задумал?

Глава 18

Карина

– Кариночка, дорогая! – мне навстречу идет Инесса Климентьева, моя приятельница и по совместительству бывшая жена министра по сельскому хозяйству, которая после развода умудрилась оттяпать у него половину состояния.

– Здравствуй, рада тебя видеть, – искренне улыбаюсь я, разглядывая не по годам благоухающую женщину.

Инессе чуть за сорок, но больше тридцати пяти ей не дашь. То ли дело в ее игривой манере общения, то ли во впечатляюще стройной фигуре, то ли в глазах, блеск которых виден даже на расстоянии.

– Взаимно, милая, взаимно, – женщина аккуратно прикладывается своей щекой к моей, выпуская в воздух короткий чмок. – Выглядишь сногсшибательно. Если это результат работы косметолога, то срочно требую его номер!

– Тем, кто испил эликсира молодости, косметологи не нужны, – в тон ей шучу я.

– Ой, чертовка! Умеешь говорить красиво! – Инесса приобнимает меня за талию и разворачивает на девяносто градусов. – Кстати, я тебе рассказывала про своего нового любовника? Вон, там стоит, блондин в красном галстуке. Видишь? Алексей Дубровин. Начинающий писатель, кстати. Очень та-

лантливый мальчик.

– Правда? – с сомнением тяну я, разглядывая парня, которому от силы лет двадцать пять. – И о чем пишет?

– Фантастику, кажется, – откровенно любуясь своим знакомым, отзывается она. – Может, почитаешь на досуге? Дашь отклик. Ну, типа над чем поработать, что улучшить, а?

– Я, к сожалению, фантастикой не увлекаюсь, но могу посоветовать редакторов, которые оценят жизнеспособность его рукописей, – тактично отказываюсь я.

Читать бредятину вчерашнего подростка меня как-то совсем не тянет. С вероятностью в восемьдесят процентов он пишет графоманские рассказы в стиле «на Землю напали инопланетные завоеватели, и наша миссия – спасти родную планету». На определенном этапе взросления почти все мои однокурсники с журфака грешили подобным.

– Договорились, – кивает Инесса. – Ты не против, если я вас познакомлю? Он просто искренне восхищается твоим творчеством, милая. Ты же у нас талантище!

Не дождавшись моего ответа, она машет своему Алексею, подзывая его поближе. Парень, явно встрепенувшись, приосанивается и чересчур торопливой походкой направляется к нам.

Ну вот, отлично. На носу еще один неловкий диалог с представителем юного поколения. И почему мне так «везет» сегодня?

Богдан

Смотрю на Карину, и внутри все сиропом обливается. Горячим таким, булькающим. Она настолько изящна, грациозна и женственна, что на ее фоне все остальные девушки, которых я раньше считал привлекательными, теперь представляются мне размалеванными мартышками.

Понимаете, красота бывает разной. И по типу, и по сроку существования. Иногда случается так, что встречаешь эффектную женщину, а затем она открывает рот, произносит несколько предложений, и вся ее красота рассеивается, словно туман по утру.

А вот с Кариной все иначе. Ее внутренняя притягательность ничуть не меньше внешней. То, как она говорит, держится, улыбается, как убирает за уши темные шелковистые волосы, вызывает во мне прилив острого и абсолютно неконтролируемого возбуждения.

И это при том, что Карина совсем не стремится выглядеть нарочито сексуально. На ней довольно скромное элегантное платье, она совершенно не выпячивает напоказ свои прелести, но, тем не менее, при одном только взгляде на нее низ живота наливается сладкой болью, а мысли превращаются в натуральную порнуху.

Мне хочется подойти к ней, провести ладонью по нежной бархатной коже, собрать мурашки, глубоко втянуть ее жасминовой запах, а затем засунуть руку ей в трусики. Туда, где

в прошлую нашу встречу было очень тепло и влажно… Короче говоря, в своем воображении я уже трахнул Карину на каждом столе этого пафосного ресторана. На каждом стуле и у каждой стены.

Без особого удовольствия отпиваю кислое шампанское, которое представители здешнего «сливочного» общества лакают с каким-то странным, непонятным мне смаком, и вновь ищу взглядом ту, ради кого я впервые со школьных времен напялил белую рубашку и пиджак.

Карина стоит у стены, увешанной полотнами с какой-то безобразной мазней, в компании неизвестного мне пацаненка. Стоит и мило так беседует. Улыбки ему свои адресует, голову слегка набок наклоняет, когда он что-то ей щебечет, даже кивает изредка. Типа интересно его ересь слушать.

Нет, значит, со мной ей общаться западло, а с каким белобрысым хмырем – пожалуйста. Ну и где здесь справедливость?

Откладываю в сторону бокал и, плюнув на предрассудки, направляюсь к противной парочке, намереваясь вмешаться в их, без сомнения, занудный разговор. Не для того я приперся на эту унылую вечеринку, чтобы со стороны наблюдать, как женщина моей мечты дарит внимание другим.

– В этой картине я вижу противостояние добра и зла. Путь света труден и тернист, а еще он всегда лежит через мглу. Именно эту идею закладывал Дербинский, – доносится до меня обрывок разглагольствований блондина, когда я оста-

навливаюсь за спиной Карины, в полумере от нее. – Мазки грубые и размашистые – это символ несогласия. Но пастельные цвета призывают к отказу от агрессивной борьбы. Силой ничего не добьешься, нужно проникать в умы через сердце.

Перевожу взгляд на полотно, которого, судя по всему, касается обсуждение, и недоуменно вздергиваю бровь. Он что, серьезно? Противостояние добра и зла? Отказ от агрессии? Как это все можно увидеть в картине, которую, положа руку на сердце, и картиной-то не назовешь.

Это больше похоже на фрагмент простыни, на которой возились вымазанные краской дети. Или на салфетку, в которую кто-то высморкался разноцветными соплями. Белый фон, чудовищное серо-буро-малиновое пятно посередине и растекающаяся клякса в нижнем правом углу – вот вам и вся каляка-маляка. Довольно вырвиглазная, надо сказать.

– Как концептуально! Как виртуозно! – продолжает восхищаться Каринин собеседник. – Подача экспрессивна и в то же время проста!

Феерическая мутотень! И картина, и блондин этот. Ну че за хрень он несет? Какая нафиг подача? Художник, походу, непросыхающий алкоголик, по синьке балующийся красками. По-другому объяснить дурдом, творящийся на холсте, я не могу.

Заранее прошу прощения у ценителей подобной «живописи», но, по-моему, это не искусство, а самое настоящее дерьмо. Вот у Васнецова, например, картины действительно

стоящие.

Меня сложно назвать эстетом, но даже я восхищался, всматриваясь в грустное лицо Аленушки, и испытывал благоговейный трепет, глядя на внушительные фигуры трех богатырей. Вот это я понимаю, живопись. Это по-настоящему красиво и со смыслом. А хаотично размазывать краску по холсту я и сам могу. Ничуть не хуже этих сраных авангардистов.

– А мне кажется, художник просто хотел срубить бабла, вот и придумал байку о противоборстве добра и зла, – не выдержав, заявляю я.

Стройная спина Карины вздрагивает, а еще через секунду она кидает на меня косой взгляд через плечо. Вслед за ней мое присутствие замечает и ее собеседник, смазливый лощеный дрищ в пидорском галстуке.

– Как можно? – он возмущенно выпучивает глаза. – Дербинский – признанный гений! Его картины стоят миллионы рублей!

– Признанный кем? Оценщиками, которые назначают этой мазне такую стоимость? – усмехаюсь я, подходя поближе. – По-моему, такие картины и их баснословная цена – это всего лишь один из способов ухода от налогов. Что-то типа офшора, только не так банально.

– Как это вообще связано? – немного помолчав, отзывается парнишка.

– Ну, не знаю… Эти художества кто-то же покупает, пра-

вильно? А потом жертвует, скажем, какому-нибудь музею или вот фонду. И вуаля – налогооблагаемый доход уменьшается на приличную сумму. Потому что это типа меценатство, благотворительность, – пока я говорю, логическая цепочка действительно выстраивается в моей голове.

– А вы неплохо разбираетесь в современном искусстве, Богдан, – иронично бросает Карина, и, слегка повернувшись, я замечаю пробивающуюся на ее губах улыбку, которую она, само собой, пытается сдержать.

Поверить не могу. Неужели она тоже считает, что творчество этого Дербинского – полная хрень? А я-то думал, в ее кругах принято восхищаться подобной дребеденью.

– Так вам не нравится? – блондин переводит ошарашенный взгляд на Карину.

– Нравится, – она больше не в силах бороться с собой и улыбается уже очень широко. – Но не больше, чем собачьи фекалии на газоне у дома.

Не сдержавшись, я громко прыскаю в кулак, а еще через секунду слышу ее переливчатый смех. Звонкий и чистый. Мы опять с ней совпали, нам обоим чертовски смешно. Ну разве это может быть просто случайностью?

Глава 19

Карина

Пока Богдан с присущей ему от природы дерзостью рассуждает о современной живописи, мой внутренний бунтарь дьявольски хохочет. Ну наконец-то хоть кто-то решился озвучить правду, которую знают без исключения все, но в угоду сложившимся устоям предпочитают игнорировать.

Конечно, картины Всеволода Дербинского – это редкостное дерьмо. Такое же, как их автор, – эгоцентричный, страдающий манией величия и, как по мне, совершенно бесталанный человечишко.

Богдан прав, обычно его картины покупают с одной единственной целью – освободить от налогов доход. Вроде даже у Олега имеется несколько таких вот «творений». Что поделать, олигархи – люди жадные и желанием делиться с государством своими деньгами вовсе не горят.

От неприличного смеха, которым разражаюсь сначала я, а потом и Богдан, Алексей Дубровин тушуется и, извинившись, поспешно ретируется. Он, в отличие от моего знакомого, совсем не горит желанием идти против системы и развенчивать мифы о прекрасном. Поэтому я автоматически теряю к нему интерес.

Говоря по правде, я искренне недоумеваю, чем зануда

Алексей зацепил мою приятельницу Инессу, взрослую и неглупую женщину… Надо полагать, что в сексе он разбирается гораздо лучше, чем в искусстве. Но лично я общества таких рафинированных мальчиков на дух не переношу. Излишняя правильность и рассудительность в молодости выглядит наиграно и неестественно, а я, знаете ли, устала от фальши. Сама вон тоже, насквозь фальшивая.

Вероятно, именно поэтому меня так отчаянно тянет к самонадеянному, наглому, но такому честному Богдану. Вот вроде умом понимаю, что нужно взять себя в руки, возмутиться его неуместной напористостью, отойти подальше… Но вместо этого я продолжаю стоять в полуметре от него и глупо хихикать, будто впервые влюбившаяся девица на свидании с самым классным парнем школы.

– Очередной ухажер? – провожая взглядом удаляющуюся фигуру Алексея, интересуется Богдан.

– Боже упаси, это молодой человек одной моей приятельницы, – усмехаюсь я.

– Интересный тип, – задумчиво тянет он. – Да и вообще люди здесь занимательные. Друзья твои?

– У меня нет друзей, – мотаю головой. – Скорее, просто знакомые и приятели.

– Как это нет друзей? – недоумевает парень. – Разве так бывает?

Мы с ним неспешно бредем вдоль стены с картинками, делая вид, что обсуждаем живопись.

– Во взрослой жизни бывает, – вздыхаю я. – Детство уходит, а вместе с ним исчезают и друзья. Это нормально.

– Ничего нормального, – возражает Богдан. – Отстойная, значит, была дружба, раз не выдержала испытания временем. Если человек по-настоящему твой, он не растворится в вечности.

– Время – страшная сила. Впрочем, как и расстояние, – замечаю я, останавливаясь у незнакомой мне картины, на которой изображен мальчик, запускающий в небо красный воздушный шарик. – Не нужно их недооценивать.

– Может быть. Но я почему-то все равно верю, что невозможное возможно, – жмет плечами он, вслед за мной устремляя взгляд на полотно. – У меня есть друг, Мишаня, мы с ним с детства вместе. После окончания школы я уехал в Москву, а он остался в нашем родном городе. С тех пор прошло почти пять лет, а мы по-прежнему лучшие друзья. Думаешь, это фигня?

– Нет, разумеется, я так не считаю, – поразмыслив, отвечаю я. – В свои двадцать два я уже давно не общалась со школьными подругами, хотя мы и жили в одном городе.

Какое-то время мы оба глядим на мальчика, чей шарик вот-вот вырвется из рук и полетит к небесам, и молчим. Но совсем не потому, что нам нечего сказать. Тишина бывает разной. Бывает пустой и неловкой, а бывает комфортной и наполненной смыслом. И у нас явно второе.

А что, если Богдан прав и время с расстоянием – лишь

отговорки, призванные замаскировать неспособность души искренне привязываться и любить? Ведь, если верить классикам, любовь в глобальном смысле – вещь бессмертная, а значит, она не может просто так взять и умереть. А если все же умерла, значит, и не было никакой любви? Значит, человек, которого ты считал по-настоящему близким, по существу, таковым не являлся?

– А вот эта картина, кстати, ничего, – заявляет Богдан, слегка наклоняя голову набок. – Как раз об уходящем детстве напоминает, не находишь?

– Потому что шарик – это символ счастья и отсутствия забот? – уточняю я.

– Да нет, просто раньше так по кайфу было их в небо запускать. Особенно, на первое сентября, помнишь? – улыбается он. – Тогда еще азарт появлялся: чей шар выше взлетит, чей улетит дальше.

– Помню, – киваю я, внезапно ощутив острый приступ ностальгии.

А ведь и правда, прекрасное это воспоминание – школьная линейка, нарядные одноклассники, шарик, взмывающие ввысь, и непоколебимая убежденность в том, что у тебя еще вся жизнь впереди…

– Слушай, Карин, – Богдан коротко оглядывается по сторонам, а потом понижает голос до полушепота, который становится слышным лишь мне. – Давай как-нибудь увидимся в другом месте и в другое время? Спокойно, наедине, без

лишних глаз. Я бы очень этого хотел, честно.

Тон парня вдруг делается очень серьезным, и понимаю, что мой ответ ему действительно важен.

– Я… Я не могу, – собрав волю в кулак, выдавливаю я. – Но не потому, что не хочу, а потому что у меня есть обязательства, которые не позволяют нам продолжить знакомство. Все гораздо сложнее, чем ты думаешь, и…

– Дорогая! – голос мужа заставляет меня оборваться на полуслове и натянуться тонкой тетивой. – Вот, ты где!

В несколько шагов Олег приближается и по-хозяйски располагает руки на моей талии.

– Только что говорил с Кисилевым, он готов принять участие в финансировании нашего Дальневосточного проекта, – муж явно доволен собой. – Додавил-таки я его!

– Прекрасная новость, – борясь с внезапной сухостью в горле, отвечаю я. – С его деньгами дела пойдут гораздо быстрее.

– Еще бы! – смакуя триумф, он наклоняется и коротко чмокает меня в губы.

А я вместо того, чтобы ответить на поцелуй, зачем-то бросаю взгляд на Богдана, который стоит прямо за спиной Олега. В целом, парень кажется почти спокойным, но вот взгляд… Взгляд затянут чернильной мглой и сверлит так, что у меня на лбу вот-вот появится дырка.

Боже, ну что я в самом деле? Меня всего-то навсего приласкал собственный муж, а я уже огнем горю от стыда и сму-

щения. Когда этот мальчишка захватил власть над моими чувствами? Когда я успела стать ему чем-то обязанной?

– Не очень удачная картина, – внезапно изрекает Олег, окинув взглядом холст, подле которого мы стоим.

– Почему? – удивляюсь я, ведь мальчик с шариком пришелся по душе не только мне, но и Богдану.

– Слишком просто и… Наивно как-то, – придирчиво скривившись, отзывается муж. – Выгодно такое не продашь.

Наверное, Олег прав. На простоту и искренность спрос нынче невысок. Всем подавай псевдоинтеллектуальный пафос в яркой упаковке. Интересно, когда случился тот переломный момент, когда подделка стала цениться дороже оригинала?

Глава 20

Карина

Когда начинается официальная часть вечера, все гости располагаются за большими круглыми столами и принимаются усердно изображать интерес к тому, что происходит на сцене. Благодарственная речь председателя фонда, награждение наиболее значимых спонсоров, выступление скрипачки и даже подача горячих блюд – это все проходит как-то мимо, потому что мои мысли всецело заняты Богданом, сидящим за соседним столом.

Сейчас он уже не гипнотизирует меня взглядом, а вполне себе увлеченно общается со свой соседкой, фигуристой девицей в непомерно прозрачном платье с эффектом «голого тела». Не буду утверждать наверняка, но, кажется, это старшая дочь Вадима Колпакова, главного тренера нашей сборной по плаванию. Если я права, то девица точно не старше двадцати, и она, несомненно, подходит Богдану гораздо больше, чем я. И по возрасту, и по отсутствию кольца на безымянном пальце, и вообще…

– Ау, Карин? Ты меня слышишь? – Олег кидает на меня вопросительный взгляд.

Судя по его вопросу, я опять пропустила какую-то часть нашего диалога.

– Прости, что ты сказал? – пытаюсь включиться в «здесь и сейчас».

– Я говорю, в Милан на следующей неделе надо смотаться. Ну, насчет того договора с итальяшками. Ты как, сможешь со мной поехать?

– Вряд ли, – без аппетита ковыряя вилкой стейк, отвечаю я. – Планов много: с издателем надо встретиться, да и работа над рукописью что-то медленно продвигается…

На самом деле мой отказ вовсе не связан с повышенной занятостью. Просто сейчас мне совсем не хочется улетать из Москвы. А о причинах этого нежелания я предпочитаю не думать.

– Ну, как знаешь, – беспечно отзывается Олег, очевидно, ничуть не расстроившись из-за того, что я не полечу с ним. – Юленьку тогда с собой возьму. Она как раз итальянский изучает, пускай практикуется. А то я совсем ни бе, ни ме, ни кукареку.

Юленька – это Юля Ефимова, секретарша Олега. Она работает на него уже три года и, надо сказать, неплохо справляется. С ней муж стал гораздо менее нервным и более расслабленным, ведь, в отличие от его прошлых сотрудниц, Юленька не обливает чаем важные договоры, не висит на телефоне с подружками, не делает орфографические ошибки в документах и никогда не перечит боссу.

Знаю, о чем вы подумали: как можно отпускать мужа в Италию в обществе молодой секретарши? Вдруг они там на-

пьются и потрахаются? Вопрос, конечно, резонный, но он отпадет у вас сам собой, как только вы увидите Юленьку собственными глазами.

Редкие волосы мышино-серого цвета, собранные в тонюсенький хвостик на затылке, здоровенные очки в роговой оправе, мешковатая одежда и полное отсутствие груди – Ефимова выглядит, как ходячий антоним словосочетания «роковая любовница». Тихая, пришибленная и до крайности исполнительная, в свои двадцать шесть она и сексом-то, должно быть, ни разу не занималась. Почему-то мне кажется, что такие скромницы берегут себя для особенного парня, который впоследствии становится их единственным.

Именно поэтому новость о том, что Олег собирается в Милан с Юленькой, ничуть меня не трогает. Я прекрасно знаю вкусы мужа и понимаю, какие женщины его заводят, а какие вызывают исключительно профессиональный интерес. Нет, конечно, если эти двое застрянут на необитаемом острове, скажем, на год, то секс между ними, понятное дело, случится. Но пока у Олега есть хоть какие-то альтернативы, на Ефимову он не позарится.

– Отличная идея, – улыбаюсь я. – Может, она и тебя в итальянском поднатаскает. Красивый же язык, давно мечтаю выучить.

– Если ты еще и итальянский выучишь, то я на твоем фоне совсем дурачком смотреться буду, – усмехается муж. – Хватит тебе и четырех иностранных языков, дорогая.

Дарю Олегу благодарную улыбку и устремляю взгляд на сцену, которую сейчас занимает популярная оперная певица. Поет она и правда здорово, но в полной мере насладиться ее вокальными данными у меня, увы, не выходит.

Глаза против воли то и дело дергаются к Богдану, чья беседа с дочерью Колпакова становится все более и более живой. Она смеется, периодически как бы невзначай касается его плеча и трепетно хлопает ресницами, когда он что-то ей говорит. Происходящее на сцене их ничуть не интересует, они полностью поглощены друг другом, и от осознания этого факта на душе становится противно и горько.

Минуточку! Почему я так реагирую? Ведь сама же сказала Богдану, что наше дальнейшее общение невозможно, что у меня муж, обязательства и вообще не к месту наш роман… Так какого черта я чувствую себя, как ребенок, чью любимую игрушку забрали хулиганы? Отчего мне так тоскливо смотреть на его флирт с другой?

Ладно, буду честной и признаюсь, что этому парню удалось пробраться мне под кожу и поработить мысли. Чего уж греха таить, я думала о нем. Все эти дни думала. Даже несмотря на внутренние запреты. Прокручивала в голове нашу единственную ночь в Питере и втайне мечтала о повторении.

А сейчас я наблюдаю его с другой, и на душе кошки скребут. Возможно или даже скорее всего, это просто безобидное общение двух ярких молодых людей, и никакого романтиче-

ского подтекста они в него не вкладывают, но я, как и любая женщина с задетыми чувствами, склонна к гиперболам. Каждая улыбка Богдана, каждый взгляд в ее сторону ядовитой стрелой вонзается мне в сердце.

Собственного мужа я никогда не ревновала. Ну, или по крайней мере не помню этого. А вот Богдана ревную. Глупо, иррационально, но чертовски сильно. Ревную, хотя он даже не мой. Что за бред творится у меня в голове?

Злясь на себя за непоследовательность в мыслях и чувствах, я встаю из-за стола и устремляюсь в уборную. Надо освежиться и собрать волю в кулак. А то сижу и кисну из-за парня, которого сама же оттолкнула. Логика в последнее время явно не мой конек.

Захожу в просторную кабинку, закрываю дверь на защелку и, наконец оказавшись вдали от посторонних глаз, стягиваю маску «счастлива, довольна и успешна». А под ней, под этой маской сплошная чернота: ни успеха, ни счастья нет. Из зеркала на меня глядит уставшая, измотанная собственным лицемерием женщина.

Странное дело, сейчас я накрашена и хорошо одета, но почему-то выгляжу старше своего возраста. Мимические морщинки, с которыми я так отчаянно борюсь, проступают ярче, глаза потухли, уголки губ стремятся вниз. Неприятно смотреть на себя такую, но еще неприятней осознавать, что я сама причина всех своих несчастий.

С тяжелым выдохом выпускаю наружу гнетущие эмоции

и ненадолго прикрываю глаза, пытаясь уловить баланс, благодарю которому смогу достойно продержаться весь этот вечер. Мне просто необходимо нащупать точку опору, сконцентрироваться на чем-то позитивном или хотя бы нейтральном. Выйти из состояния жертвы дурацких обстоятельств.

Сосредотачиваюсь на дыхании и только-только начинаю обретать утерянный дзен, как дверь кабинки внезапно дергается, а следом раздается резкий и довольно напористый стук, который заставляет меня вздрогнуть и испуганно открыть глаза.

– Занято, – огрызаюсь я, мысленно матеря человека по ту сторону двери. Такую медитацию мне испортил!

Однако, невзирая на мою реплику, наглый стук вновь повторяется. Кажется, кто-то совершенно не в ладах с культурой поведения в общественном туалете!

– Я сказала, занято! – рявкаю я, распахивая дверь и намереваясь спустить на непрошенного гостя всех собак.

А еще через мгновенье застываю как громом пораженная. Передо мной стоит Богдан. Лицо суровое и требовательное, а во взгляде синих глаз плещется непоколебимая решимость.

– Что ты здесь делаешь? Я…

Он не дает возможности закончить предложение. Напирает всей своей внушительной фигурой, вынуждая меня трусливо отступать и пятиться назад, в кабинку. Когда моя спина упирается в прохладную стену, Богдан вновь закрывает дверь на защелку и медленно оборачивается ко мне. Его гу-

бы растягиваются в хищной, но в то же время по-мальчишески озорной улыбке.

– Вот ты и попалась, – он приближается и, обхватив руками мои бедра, порывисто притягивает к себе. – Теперь не убежишь.

Татьяна Никандрова, 2023

Данное произведение подлежит защите авторских прав

[Гражданский кодекс РФ] [Глава 70] [Статья 1271]

Глава 21

Карина

– Так нельзя! Сюда могут войти! – я упираюсь руками в его

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.